Анна Сафронова

Лето на вырост

Повесть

Южно-Сахалинск
Издательство ИРОСО
2018

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
С 21

Художник
Ирина Левитес

Сафонова, А.А.
Лето на вырост : повесть. – Южно-Сахалинск : Изд-во ИРОСО, 2018. – 140 с.

История эта о том, как в центре Южно-Сахалинска, на проспекте Мира, доживала свой век маленькая «деревенька» – десять домов. В одном из них жила девочка Таня со своей мамой. Кажется, и по сей день шумит та деревенька – весело и споро. Стоит закрыть глаза, и услышишь, как поскрипывают ветви черноплодки, покрикивает задиристый соседский петух, чеканят за забором шаг бравые солдаты, строчит старенькая швейная машинка. Это Таня шьёт своё лето – лето на вырост.

ISBN 978-5-906870-16-2

© А. Сафонова, 2018
© И. Левитес, рисунки, 2018
© Издательство ИРОСО, 2018

Этот мир – эти горы, долины, моря –
Как волшебный фонарь. Словно лампа – заря.
Жизнь твоя – на стекле нанесённый рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

Омар Хайям

На обочине

Окна выкрасили нитрой и закрыли на ночь дверь. Краска белая, тягучая, окон много, дом большой. Странно, почему взрослые называют его «барак»? Таня сотни раз вокруг бегала, всю крышу излазила и чердак перевернула вверх дном – никакого такого брака не нашла. Ни щелей, ни зазубринок. Очень приличный дом. Засыпной, а не деревянный. Это деревянные дома бараками называют, так они аж вон где – на той стороне реки. И маленькие совсем. И полителен (Э посередине вечно мешается, потому – полителен) вместо окон кое-где, брака – тьма-тьмущая! А у Тани – дом! Восемь большущих окон. Все сосчитаны, потому что красила вместе с мамой и очень устала. Окна высокие, роста, признаться, не хватает.

Мама учила сверху вниз красить, но так неинтересно – выкрасила сначала подоконник (раз-два!), затем раму – её тоненькой кисточкой надо, и на стекло чтоб не попало. Вылезшую на стекло краску лезвием счищать замучаешься. Да и скрип такой, что ушам больно. Откосы совсем неудобно красить. Разулась и встала в белую мякоть.

За окном посмеивалось лето. Ремонт дома давно не делали. Целый год! Потому что бабушка болела, и было некогда. Впрочем, про болезнь её только в прошлом августе узнали, а до того, как всегда, возились в огороде, сажали у дома маргаритки и анютины глазки, астры и пионы, собирали гусениц с саранок, прогоняли тлю с яблонь. Тля под листочек заползёт и мокрую вату развесит. Фу! За то её отравой и опрыскивали.

Лето Таня терпела. И только под самый его конец любовь накатывала. Потому что сначала надо было копать, потом сеять, потом поливать из длиннющего шланга – далеко-далеко – аж до солдатского забора! Вода уставала петлять в потёмках и лилась на грядки неохотно. Таня слегка сплющивала пальцами шланг, и вода фонтаном выпрыгивала наружу. Вме-

сте с ней выпрыгивала радуга. Воде нравилось играть. Помидоры-огурцы, картошка и прочая трава-мурава с благодарностью подставляли ей ладошки и пёрышки.

То ещё наказание – окучивать. Тяпка длинная, перевешивает, в самый зной ворочаешь ею пересохшую землю – пот градом.

– Таня, повяжи косынку! – бабушка сидит на крыльце, дух переводит. Ну какая косынка, когда мокрая вся до трусов. Руки по локоть в пыли, нос в пыльце, а ноги в свежевывернутых червях.

– Дотяпаю ряд, повяжу, – отмахивается Таня.

Эх, и кто такое лето придумал?!

Потом бабушка умерла, и Таня с мамой долго ждали нового лета. Потому что зимой – вьюги, осенью и весной – слякоть. Стены плачут чёрными слезами – мама толком печку топить не умеет, и та от обиды пыхает. Ещё и уголь неважнецкий. Пахнет ужасно, стреляет и подпрыгивает в печке, горит плохо. Кокс, а не уголь. Пока мама научилась его дровами разбавлять, иной раз и подмерзали. Окна забыли заклеить, всё тепло на улицу просочилось.

Зато теперь всё побелили и выкрасили – любо-дорого. Сохни, дом! Столько сил угрохали – пострашнее картошки дело! Отмыли с вечера руки-ноги бензином, натопили титан и розо-

вые, как поросята, попадали спать. Мама испугалась, что ночью похолодает, и закрыла обе двери. Форточки тоже закрыла.

К утру Таня пылала. Мама испугалась ещё пуще и отвела дочку к соседям. В такой же домбарак. Но с собаками и курами. И даже петухом. Который орал, как резаный, и пугал пуще гимна Советского Союза. Таня раньше радио не слышала. А тут как подскочила в шесть утра! Натянула одеяло на голову и сидела, слушала чёрную коробочку. Проникалась.

Прибежала заспанная тётя Галя и отключила гимн.

– Опять Женька оставил, – суетилась она, подтыкая одеяло под всякие нужные Танины места. – Не бойся, не бойся, спи!

Таня и не боялась. Прогудела тёть Гале «спасибо». Голова, как кастрюля. Что в неё ни скажешь, всё звенит и ударяется.

Тётя Галя зачем-то сунула Тане градусник.

– Я же угорела, а не простудилась, – уточнила Таня, – зачем температуру мерить?

– Ты не умничай, – улыбнулась тётя Галя во все щёки. – Ставь, ставь. Сейчас печку подтопим, согреешься.

Температура подпрыгнула до тридцати девяти. «Ого!» – прозвенело в голове. Таня положила градусник на малиновую бархатную скатерть и, отвернувшись к стене, вздохнула: «Лето!»

Дальше ей снились сны, запутанные и колкие. Будто моток колючей проволоки перематывали из конца в конец, и ёжики-колючки цеплялись за одежду, обдирали ноги и руки. Таню куда-то не пускали, а ей очень хотелось. Там, за проволокой, папа... Вся исцарапалась. Интересно, а могли они с мамой вовсе не проснуться?

Таню от тёти Гали в поликлинику повели. Долго выясняли адрес. Потому что советским гражданам полагалось в домах с квартирами жить. А у них – барак. И никто такого адреса вообще не знает – Мира, 260. Мама устала и раздражённо соврала: «Пишите: проспект Мира, дом двести шестьдесят, квартира один». Тётенька в большущих очках обрадовалась, старательно вывела адрес и протянула карту с талоном.

Вот так и летовали: днём дома, с распахнутыми окнами и дверями, ночью – к тёте Гале. Муж её, дядя Лёша, отлучился в отпуск, так она от радости, что не одной скучать, пекла пироги с мясом, с говяжьей печенью и с брусникой. Вкусные, румяные. Только всё равно Таня тёть Галиного дома очень боялась.

На ночь собак спускали. В туалет на улицу не выйдешь. А за горшком через весь дом идти. Тётя Галя его под своим диваном прятала – на всякий случай. Неудобно... Особенно, когда её домашние вдруг разом собрались. Это ж надо через кухню пройти в потёмках, потом через дядю Женю, через порог – дядю Володю, свернуть налево, проделать щёлку в двустворчатой двери и резко, чтоб не скрипнула, распахнуть створку к тёте Гале. Ужас какой, если скрипнет! Дядя Лёша, вернувшийся, во сне ругаться начнёт. Он хороший, но во сне себя не контролирует. «Пошёл вон, гад!» – кричит и кулаками по одеялу – хлесть, хлесть. С войны у него это осталось. Забыл, что наши победили, вот и воюет.

Лечение не помогало, и распухшую Таню у тёти Гали на целую неделю оставили, чтобы до школы поправилась. Днём на крышу отправляли – выжариваться вместе с половиками. В руки чашку со смородиной сунут – ешь, витамин! Потом и чаю с малиной протянут. Хорошо на крыше. Ни собак, ни петухов. Паучок разве сверху на паутинке спустится. Таня ему смородиновую горошину протянет – «На, попробуй! Витамин!» – он её в лапках покрутит – тяжёлая...

Уронит, горошина вниз, подскакивая, покатится, Таня за нею не спешит: хорошо глядеть, как ягода вниз падает. Будто чёрные градины бьют по крыше. Одна, вторая, третья. Таня бы всю чашку так перевела, да дяди Лёши побаивалась. «Добро моё переводишь!» – частенько кричал он старшему сыну. И закладывал кулак ему за шею. Не сильно. Для острастки. Таня съёжилась, сжалась вся – совсем не хочется дядь Лёшиного кулака. Паучок по нитке поднялся и в теньке спрятался. Муху караулит. Мухи ему на два дня хватит. Комаров не любит.

С дядь Лёшиной крыши не много видно. Дом справа, дом слева, впереди – забор и воинская часть, позади – дорога. До Таниного дома рукой подать: перемахнуть два огорода да через болото перебраться. Сосед, что за забором жил, запил, а потом и вовсе съехал, земля опустилась, забулькала, вода её съела. Таня тропинку знала, но всё же лучше улицей ходить.

Домов всего десять в ряд было. На окраине стояли, а теперь центром стали. За рекой тоже дома. Но неправильные, микрорайонные. Таня так решила: «На окраине последние живут.

Дальше нас дома стоят? Стоят. Значит, мы не окраинные. Мы – обочинные».

Когда дорогу расширять да поднимать стали, Танина «деревня» совсем вниз скатилась. Колонка с окнами сравнялась, до неё по воду и бегали, когда центральный водопровод ломался или трубу прорывало. Дед живой был, часто в подполе трубы подкручивал. Они тогда с дядей Лёшей и познакомились. Бабуля на их знакомство коршуном налетела, в пух и прах растрепала – чтоб не пьяничали. Ишь! Сходил к соседу за разводным ключом – глаза и заволокло. Да и тётя Галя не шибко обрадовалась: «Чего ты, Алексей, на старости лет удумал?» Мирно спросила, но в глазах укоризна металась. Как её скроешь? Мужики у колонки собирались, ручковались, о чём-то перешёптывались и – фьють! – в пивную. Дядя Лёша потом, как водится, всю ночь фашистов гонял, а бабуля – деда по огороду с поросятами. «Пивка, Мань, пивка! Чего на пиво кричать?»

Глянула Танюха в чашку, аж в глазах защипало. Своя смородина осыпается, а она чужую ест...

Тут внизу переполох: куры голосят, пыль столбом, по доскам да по заборам прыгают. Вот те на, а говорят, курица – не птица!

Вон как летает! Крылом хлопает, высоту набирает – р-р-раз! И заборчик перемахнула. За ней вторая, третья. Тётя Галя между ними мечется с растопыренными руками. Пух на лоб налип, в волосах запутался.

– Тёть Галь! – свесилась Таня с крыши. – Ты чего?

– Куру на бульон надо!

Поди ж ты! Из живой куры бульон варить! Теоретически Таня знала, что все суповые куры допреж бульона на птицефабрике корм клюют, откармливаются на убой. А тут же своя, не птицефабриковская. Как её в бульон совать?

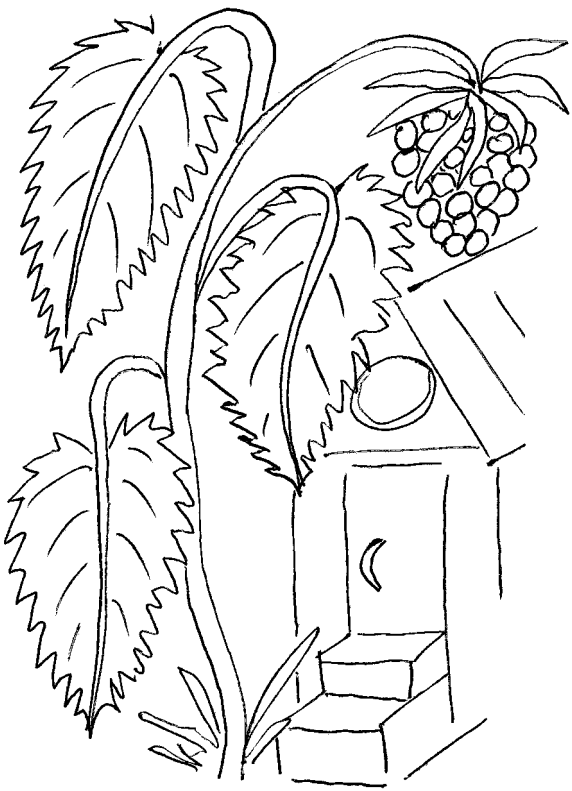
– Так и совать! – кряхтит тётя Галя. – Тебе прописали, будем исполнять. Пожирней пеструшку словлю.

У Танюхи глаза из орбит полезли, сама вся взмокла.

– Тёть Галь, не надо! Я больше угорать никогда в жизни не буду, не тронь пеструшку! – заторопилась вниз по лестнице. – Тёть Галь, не руби!

Наконец поймалась круглобокая цыпа.

– Не смотри! – скомандовала из сарая запыханная тётя Галя. – Нечто я зверь? Нет, не зверь. Да где тебе куру для бульона взять? В магазине, что ли, дадут?



Из-за двери всё ещё доносилось возмущённое квохтанье и приглушённое бормотанье.

Таня кинулась в тёмный угол летника и рыдала изо всех сил.

– Замёрзну, будете знать! Никаким бульоном не спасёте!..

Вечером на столе дымилась кастрюля с куриным супом. Дядя Лёша слово «бульон» в чём-то сильно подозревал, слишком уж рюшистое. Потому обозначал конкретно – куриный суп. Вторую миску доедал. Танюха над своей сидела понурая. Как ни уговаривали, хотелось ей не супа, а поскорей домой. Дома курам головы не рубили... Тут она осеклась. Вспомнила, как дед с соседями свинью резал. Как опалял её горелкой. И синий огонёк превращал розовую, почти белую кожу в бурую, с чёрными полосами... Вспомнила, как радовалась той смерти – из-за свиного ушка, вкусней его только холодец, что бабушка ставила. Чеснок выковыряешь, а мозговую косточку всю до донышка высосешь. И ничего, не жалко чушку было. Чушка – враг! Она задавить и съесть может. Нечто курица – враг? Она яйца несёт...

Под те рассуждения не заметила Таня, как супчик уговорила. Тётя Галя подлила добавки. И стыдно, и вкусно. И кто в этом деле правый...

Домой её забрали под конец августа. Лето догорало. Смородина сгнила вся. Малина осыпалась. Картошку мама сама всю выкопала. Ну тогда на чердак. Кота в порядок приводить – вон усищи какие вымахали! А когти! Хорошо зарыться в древесную стружку и на пыль, что в солнечных лучах клубится, смотреть. Откроют они с котом дверку чердачную, на приступочку присядут – и хорошо! Солнышко потускнеет, смотреть можно, как по облачкам скатывается. Ниже и ниже. Заалеет напоследок и скроется. Солдаты за забором на первый-второй рассчитаются и строем спать идут в казармы. Таня с ними «Катюшу» прокричит и домой бежит. Завтра только 29 августа. Ещё столько лета впереди!

Мир, труд, мандарины...

Хорошо быть отличницей! В школе уважают, мама с бабушкой гордятся – фотография отличницы с первого класса на Доске почёта висит. Прямо на первом этаже. Напротив входа. Большущая! Сама Танька раза в два меньше – кожа да кости, хоть на пиратский флаг! Она бы с удовольствием, но смеяться во весь рот не умеет. И вообще, во весь рот – неприлично. И громко – неприлично. Сразу цыкают. Или шипят, как гуси. Противно так. Вот и сидит на фотографии, как на выданье, – губы растянула, а в глазах испуг. Тихонько. Чтоб не слышали.

Русский, математика, чтение, рисование, физкультура, труд... Что тут сложного? Прави-

ла только зубрить скучно. Первые два класса бабушка каждый вечер правила спрашивала. Придёт к Тане, лампу включит, очки наденет. Очков две пары. Потому что в одной – не видно ничего. Значит, две пары очков – одни на другие – водрузит, учебник раскроет и давай гонять: «Жи-Ши?» – «Пишем с буквой И-и-и!» – озорует Танюха, повисая на бабушкином плече. «Чу-Щу?» – не подаёт вида. «Пишем с буквой У-у-у!» – Таня вытягивает губы в зловещую трубочку. «А ну сиди, коза!» – строжит бабушка, делая брови домиком. И смотрит выразительно. Сквозь две пары очков. Ух, глазищи! Таня затихает. До конца учебника далеко. Ещё только первую четверть повторили...

Когда таблица умножения началась, бабушка Таньке вообще проходу не давала. Зубы чистить, она от печки басом: «Дважды восемь?» – «Фефнадцать!» – не вынимая щётки изо рта. «Семью восемь?» – спохватывается бабушка по дороге в парикмахерскую. «Пятьдесят шесть...» – бормочет внучка, засмотревшись на воробья. «Девятью девять?» – «Ба, ну можно по-человечески на горку сходить в воскресенье? – не выдерживает Танюха. – Все люди, как люди, а ты меня таблицей бодаешь!» Бабушка насупилась и замолчала. Санки Та-

нюхины скрежещут через дорогу. Четыре дома прошли – молчит. Уже до телецентра дотопали – всё равно молчит. До горки рукой подать, а она обиделась. «Восемьдесят один!» – сдаётся Таня. Тянет бабушку за рукав, смотрит в прикинувшееся совсем чужим лицо. «Восемьдесят один! Слышишь? Я знаю». Бабушка оттаивает, снова берутся за руки и переходят площадь Победы: «Шестью шесть?» – «Тридцать шесть». – «Трижды девять?» – «Ба!» – «Трижды девять?!» – «Двадцать семь»...

С рисованием у Тани тоже порядок. В саду её рисунки на выставку забирали. Подарили игрушечного поросёнка и какую-то умную книжку про рисование. Ну, спрашивается, зачем книжки читать, когда бери и рисуй? Красок завались. Кисточку, баночку с водой, альбом потолще. Вот – солнце смеётся, вот – осень. Здесь «Лебединое озеро», это – просто балерина. Это принцесса. Город, стройка. «А это?» Дом. В доме нет никого, все гуляют. «Кто же в доме живёт?» Принцесса и кот Васька. «Принцессы в замках живут». Необязательно. Она бедная принцесса. «Папа-мама её где?» Не знаю. Тут вот радуга. Большущая! На всё небо.

«Такая большая не бывает». Как не бывает? Бывает! От неё всё небо переливается. «Цвета не в том порядке!» В том! И вообще, когда радуга, на небе полный беспорядок. Любой знает!.. За радугу всё-таки четвёрку поставили. Таня её из альбома вырвала и выбросила. И не потому, что отличница. А потому что беспорядок тоже понимать надо.

Самое интересное – труды! Если прописи догонять приходилось, то здесь она впереди всех скакала. Что бы ни задали, Таня уже готова. Аппликацию, снежинки вырезать, корзинку сплести, игрушку дымковскую вылепить – пожалуйста. Дома пластилина море. Ракушек на море наберёшь, из них крабиков можно сделать. Или лягушек. Ещё лес! Берём картонку: синим – речка, зелёным полянка и берега у речки. Жёлтыми точками – лютики. Целое поле лютиков! Тут вот и лес как раз. Ёлки, берёзки, ну лес, в общем. Под ёлкой – ёжик. Как без ёжика? На спине грибок везёт. Деткам. Сколько у ежа деток? Много! Пусть ещё два грибка будет, а то всем не хватит.

Зимой вечера долгие. Как стемнеет, бабушка за вышивание садится. Шторы, салфетки, ска-

терти – ко всему руку приложила. Потому что красоту любит. Цветочки по льну пустит мелким крестиком. Цветики-семицветики среди трав вьются. А то и большущий пион посадит. Вокруг него вьюнки. Сидит, на носу очков, как всегда, две пары, волосы гребёнкой заправит, важная такая. Сперва молча иглу гоняет, потом забубнит или песню затянет. Сначала тихонько, после разойдётся в голос. Про печальное что-то поёт. Таня не прислушивалась. У неё свои пяльцы. Подле бабушки сидит, тренируется. Крест учит. Из сундука дубового косынку в точечку достали – удобно. «Вот тебе четыре точки – кубик, на них ориентируйся, сначала из нижнего левого в верхний правый, как ряд закончишь, вернёшься – из нижнего правого в верхний левый». Скучновато чуть-чуть, рисунка-то не получается. Но бабушка обещала – научит. У неё ниток целый пакет и все – мулине. Гладенькие, тёплые. Бабушка поёт, в зале ёлкой пахнет. На Новый год всегда ёлку ставили. Хотя Таня давно ни в какого Деда Мороза не верила. Просто так уже ставили, для красоты. Игрушки старинные, часы на макушку – на них всегда без пяти двенадцать. Новый год не пропадёт, даже если проспишь. Ещё гирлянды стеклянные, бусы и огоньки электриче-

ские. Под ёлку – мешок ваты. Чтоб ёжику куда прибежать было. В зале свет слабый, но бабушке всё видно. «Ну чего застыла?» – «Косынка кончилась», – вздохнула Таня.

В школе учили гладью вышивать. Что за вышивка такая? Стежки ровные. Один к одному. И прямые все. Никаких тебе крестиков. Или вот ещё: гвоздём ткань тыкаешь, потом с боков прибираешь... Ну гвоздём так гвоздём. Садись, пять.

...И надо ж было Тане на урок крючок с нитками забыть! Учительница по рядам ходит, проверяет, кто с крючком, кто без.

– Зайцев, а Зайцев, дай крючок. Я за тебя салфетку свяжу, – вцепилась в однопартника Таня.

– Да сам я! – отвернулся, путаясь в нитках. Зайцев вообще к тонкой работе не приспособлен. Ковыряется, ворчит, губы закусывает.

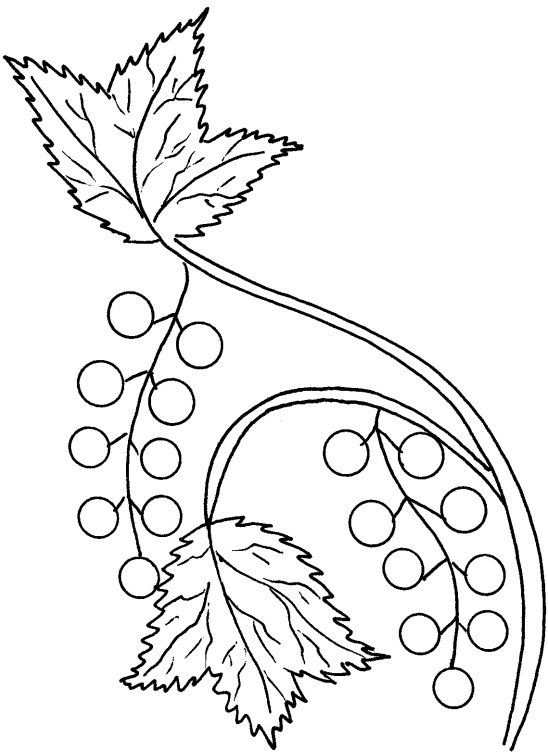
– Жень, ну дай, – умоляет Татьяна. – Тебе Валентиниванна пятёрку поставит.

– Неуд она мне поставит, если увидит, что не готов.

– Жень, ну пожалуйста! Я только покажу, что умею. Она и не придерётся.

Зайцев посопел, посопел:

– На!



Таня схватила крючок и быстренько связала основу.

– Тебе с дырочками или сплошняком? – поинтересовалась у засмотревшегося на Ирку Зайцева. Ирка в первом ряду, за второй партой. Высокая, красивая, с модной стрижкой. Староста класса. – Жень!

– Как хочешь! – повёл плечом Зайцев. Таня даже не обиделась. Ну потому что Ирку все любят. Когда все любят, чего ж обижаться? Ира рядом на Доске почёта висит. Только её почему-то замечают, а Таньку нет. Может, в фотографии дело?

Учительница внимательно оглядывала парту за партой. Крючок, клубок. Молодец, хорошо. А ты петли не пропускай. Натяни чуть-чуть, ну же. Вот так. Чего скучаем? Где крючок? Дома забыл? Дневник на стол.

Таня даже голову в плечи втянула. Почувствовала надвигающуюся неприятность.

– Зайцев, ты опять не готов? – нависла Валентиниванна над замечтавшимся Женькой.

– Почему «не готов»? Готов!

– Где крючок?

– Да вон, Танька вяжет, – отмахнулся Зайцев, продолжая разглядывать озарённую солнцем Ирку.

– Где твой крючок?

Таня вздрогнула и затараторила:

– Валентиниванна, Валентиниванна, смотрите, я умею! Я вон уже сколько связала!

– Где твой крючок? – будто не слышит.

– Забыла... Дома на столе остался. Валентиниванна, я умею. Смотрите, смотрите... – и снова взялась, вывязывая петлю за петлёй.

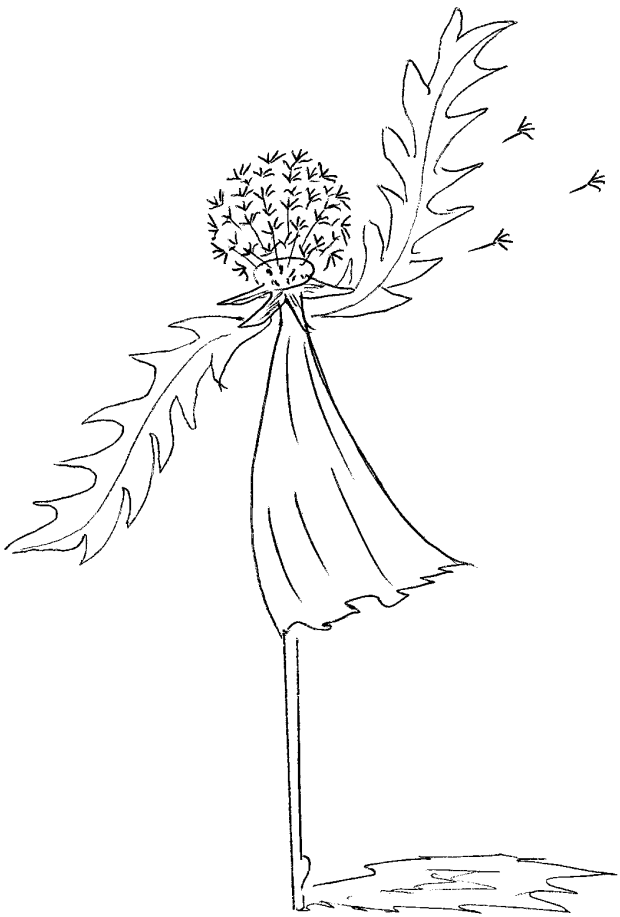
– Дневник на стол!

Влажная пелена окутала всё вокруг. Тане уже мерещилась сцена порки из «Детства» Горького. Свист розог. Поджатые бабушкины губы, мамин укоризненный взгляд. Они тройку-то за оценку не считают, а тут целая двойка! Нате вам, любуйтесь... Таня крепилась, морща лоб. Уставилась в парту. Кое-как до перемены досидела. Когда продлёнка началась, и можно было уже идти домой, не выдержала и выдала рёв. Бесполезно было утешать и упрашивать. И показывать, что в дневнике всего лишь замечание, мол, не готова к уроку... Всё бесполезно. Даже бабушка с мамой напугались, когда она домой распухшая пришла. И не ругали. Но Таня ни-

кого не слышала. Что-то внутри неё лопнуло, дзинькнуло, будто пружина в часах...

...Фотографию сняли. Школа давно уже никем не гордилась. Таня учила новый шов. «Через край» называется. Мешали сентябрьские мухи. Толстые и липучие. Надо взять два кусочка ткани, приложить краями друг к другу и осторожно, чтобы не уколоться, протыкать и подхватывать нитку сверху. Получается петля. Затянуть. Ровный заборчик из ниток прочно свяжет два незнакомых прежде кусочка. Такой шов Тане больше всего нравился. Все остальные какие-то слишком простые или наоборот – сложные. А этим всё, что хочешь, зашить можно. Проткнул, вытянул, подхватил, затянул... Чётко, ясно, без выкрутасов. В пятом классе за домоводство всерьёз взялись. Скучные труды стали. Как ни крути.

Мама летала с работы на работу. В научно-методическом центре разрабатывала планы и программы культурно-массовых мероприятий, сама же их проводила, вечером бежала в оркестр, на домре играть. Танька на маминой работе уроки делала, в оркестре на футляре из-под домры играла. Дома стынь.



На работе тепло. Из музыкалки лучше к маме прибежать. У неё весело. Шумно. Ну и что, что в соседнем кабинете запирают. Веселье всё равно слышно. Так интересней русский переписывать. Всю тетрадь причём. Потому что две помарки, считай, ошибка. Мама ошибок не любит. В оркестре дядя Серёжа – дирижёр. Высокий, шустрый, аж подпрыгивает, когда музыканты в «Метели» Рахманинова ошибки делают. Таня тоже не любит. Как можно фальшивить в «Метели», она не понимала. Все ноты на своём футляре выводила безошибочно. Даже подвывала иной раз. Дядя Серёжа замирал, как подстреленный, и, опустив палочку, очень вежливо просил выть на полтона, а то и на тон тише. Таня кивала, мама заливалась краской.

– Что? – удивлялась, семеня следом за ней из училища к тёте Нюре. – Я ни разу не сфальшивила.

– Ты выла!

– Я нечаянно...

– Из-за тебя репетиция чуть не сорвалась!

– Да?..

Тётя Нюра недавно с семьёй перебралась в Южный из Крабозаводска. На время. Доч-

ку устроили в школу. Таша большая. Ей тринадцать. На Алёнушку васнецовскую похожа. Просто ужас как. Коса длинная, лицом белая. И глаза! Такие же огромные, как у картинной.

Тётя Нюра портниха. Шьёт быстро и всё, что хочешь. Мама к ней весь бабушкин сундук тканей перетаскала. Теперь у неё платье бархатное, коричневое, с золотистой сеткой; платье велюровое, зелёное, с широким поясом; платье чёрное с пелеринкой, серебряной ниткой окантованное; юбка шёлковая; юбка шерстяная; платье концертное из красного шифона, с шарфом, между прочим; сарафан, костюмчик и так по мелочи – пара блузок, жилет, пояски, шарфики, цветочки, помпончики. Тётя Нюра даже пуговицы сама придумала, чтоб в галантереях не давиться, не искать.

Таня со своим «через край» и не совалась. Любовалась молча. После примерки непременно стол разворачивали. И начинали кормить. Взрослые пили вино, Таня с Ташей угощались «Колокольчиком» и мандаринами! Военным мандарины обязательно полагались. Причём ящиками. Согласно составу семьи. Таня потом весь вечер корки донюхивала. Где-то там мандариновое солнце. И люди ходят совсем без платьев, в юбках из банановых ли-

стьев. Живут в шалашах и никаких тебе перемороженных труб – сплошное солнце...

Весной тётя Нюра опять приехала. Весёлая, заводная. Говорит, будто ручеёк звенит, смеётся, словно колокольцы тронули.

– Тёть Нюр, – подкралась Таня, пока мама за супом выбежала. – Мне тут рубашку задали. Помогите.

– Какую рубашку? – изумилась та.

– Ночную. К понедельнику надо. А у меня руки-крюки.

– Ну-ка покажи фактуру.

Фактура нежнейшая. С рассыпанными ветками сирени по белому фону. Из бабушкиного сундука последний отрез.

– Портить не хочется. Ведь непременно испорчу, – Танька посмотрела на тётю Нюру просительными глазами.

Та что-то в уме прикинула. Помолчала. Хмыкнула.

– Выкройку делала?

Танька покраснела. Тетрадку с приблизительными расчётами задвинула подальше. Кальки нет, на чём рисовать? Не на ватмане же.

– Всё ясно. Значит, так. Я крою, ты шьёшь.

– Как? – Таня от неожиданности присела. – На чём? На этой тарантайке?

– Я крою, ты – шьёшь! – тоном офицерской жены повторила тётя Нюра и взялась за ножницы. – У! Такими только петрушку резать.

– Других нет... – вздохнула Таня.

От бабушки машинка осталась. Швейная, механическая. Не то, что у тёти Нюры, – с ножным электрическим приводом. Танюхе бы такую, глядишь, и с трудами бы наладилось. А тут одной рукой крути, колесо подгоняй, другой ткань протягивай. Глаза разъезжаются, за чем вперёд следить. Ручка старенькая, соскакивает. Чуть припустишь, строчка поедет, ткань зажует, а там и шпулька с перетягу выскочит. Фу-у! «Готовую, что ли, купить...» – злится про себя Танька, распарывая в десятый раз незадавшийся рукав.

Ну всё, сладила. Оглядела работу – там косо, тут борит, подол волнами. Н-да...

В сундуке порылась, нашла ленту голубую, атласную. Чтоб безобразие прикрыть. Пустила по подолу да рукавам, вырез обработала... Ещё хуже стало. Одно слово – троечница. И как бабушка с машинкой управлялась?

Артистка

– Пора? – Таня в сотый раз повернулась к бабушке.

– Скажу, когда пора, – прошелестело над ухом.

– Ладно. – Девочка вздохнула и замерла на мягких бабушкиных коленях.

У Тани букет. Три революционные гвоздики в целлофане. Для артистки, чей голос разливается полноводной рекой по залу. Бабушка её любит. И артистка любит бабушку – уважает даже. В зале холодно, люди сидят в шубах и шапках, а она поёт – в лёгком сиреневом платьице, блестящих туфельках, волосы жемчужной ниткой переплетены – сияет! И как ей не холодно? Бабушка не разрешает букет дарить.

Ждёт любимую песню. Вдруг её совсем не будет? С букетом, что ли, домой возвращаться?..

– Вот теперь пора, – снова шелестит над ухом. – Давай потихоньку. Пока выберешься, песня и кончится.

Девочка соскочила на пол, скинула шубку, одёрнула выходной сарафан (шерстяной, с нагрудным карманом, на нём ещё яблоко белыми нитками. Любимый до ужаса!), прижала гвоздики к груди и стала пробираться к сцене. «Потом извинюсь», – решила про себя Таня, скользя по ногам доверчивого советского зрителя. Ух, ещё сколько! «Не успею». Пустилась бегом с букетом наперевес. Артистка улыбнулась, мягко приняла цветы, хотела даже поцеловать Таню, но та вывернулась и помчалась обратно к бабушке. Всё! Успела!

Тогда она ещё ни о какой такой сцене не помышляла. Сцена – это мамина забота. Таня за кулисами с танцорами или балалаечниками сидела, пока мама концерт работала. Головоломку выпросит, сидит, собирает. Головоломки – это ерунда. Вот кубик Рубика почему-то никак не хотел собираться. Одну сторону соберёшь, остальные не даются. Мама со сцены прибежит, в гримёрку потащит, переодеваться.

После концерта банкет, надо ещё успеть Таньку бабушке сдать и вернуться.

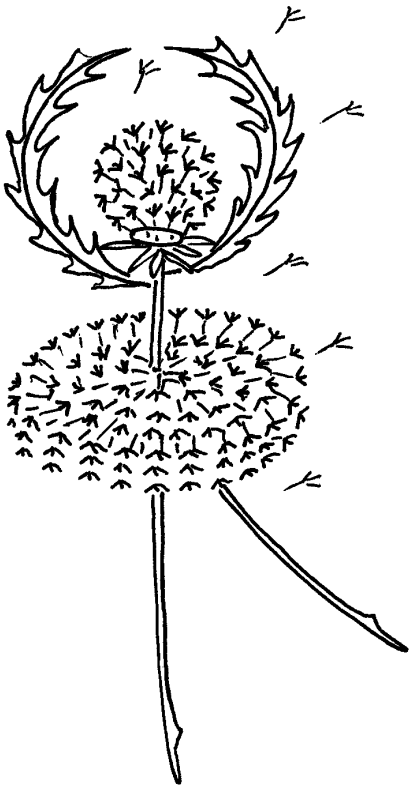
Чего она там не видела, на сцене-то?..

О том, что ей уготована судьба балерины, Таня совсем недавно догадалась. Бабушка принесла гипюровое платье, тёплого сливочного цвета (дорогущее!). С подъюбником, как у взрослых. Без рукавов. Зато с оборками и с пелеринкой. Ещё завязочки – тонюсенькие, у самого горлышка. Разложили красоту на диване, Таня смотрела зачарованно и глазам не верила – ей... настоящее золушкино платье! К нему – сандалии. Почти туфельки!

– Когда на бал? – перешла к делу.

– Завтра в драмтеатре ёлка, вот и наденешь, – пообещала бабушка. Что к платью полагались толстые белые колготки и рейтузы, ещё и шерстяная кофта в ядовитую зелёную полоску, Таня потом узнала. Но не очень расстроилась. Потому что главное всё-таки бал. И подарки!

...От частой стирки гипюр пожелтел. Жизель дома танцевать в самый раз. Очень похоже. Повязать сверху бабушкин кухонный фартук и... Нет, лучше вырезать из бабушкиного кухонного фартука небольшой передничек, и Жизель готова!



Балет Таня не пропускала, внимательно следила за движеньями, запоминала и, как могла, тянула носки и руки, чтобы походить на неё – на Жизель, которая почему-то Катей Максимовой в телевизоре называлась. Тоненькая, прозрачная, парящая, как... как... бабочка!

Надо только дождаться, когда показывать будут. «Лебединое» или «Жизель» всё время передают. Таня очень старается, но на фуэте непременно падает. Сердится. Бабушка смотрит тёплым благодарным взглядом и хлопает от души. И не обижается совсем. Достала машинку, сшила новый фартук. Потом ещё чуть-чуть подумала и отвела внучку в Дом культуры железнодорожников – балету учиться. В «хореографии» все сразу запутались – сложное название. Потому Таню водили исключительно на балет.

Народу! Все хотят летать по сцене в пачках или лосинах, а ещё – упиваться красотой, музыкой, аплодисментами (хлопать – неправильно. Правильно – аплодировать!). И чтоб цветов – море! Корзины роз. А не эти торчащие гвоздички...

На сцену сразу не пустили. Но обещали, что пустят. Надо сначала на шпагат сесть, растя-

нуться во все стороны, у станка всякие гранд батманы и балансэ выучить, плие да пор-де-бра освоить... Тондю, фондю, сутеню... Прыжки по диагонали. Пуанты рано, в чешках на полупальцах – прыг-прыг-прыг! Фу-у! Танин купальник хоть выжимай. На верёвку в кухне повесят, долго сушится. Сама балерина спит. «Надо было в народные идти», – думает во сне, морщась от балетной пыли.

Из платья она скоро выросла. Пришлось верх обрезать. Юбка ещё ничего, годится. Учительница балетная в Ленинград уехала. Из «железнодорожников» в музыкальную школу перевели. Там зал тесней, народу меньше. Зато теперь точно на сцену пустят. Ну, конечно, не в солисты. Да и танец простенький – хороводы, притопы, прихлопы. Ковырялочки. Не балет никакой.

...В саду спектакль кукольный затеяли. Таня громче всех Петрушку играла. «Дорогие зрители! Увидеть не хотите ли наше представление, сказочное явление!..» Колобок и прочие слова зубрят, Таня сидит с кислой рожей – не нравится по бумажке играть... На репетиции ходит аккуратно, слова каждый раз новые выдумывает. Её роль вовсе стали пропускать – справится. Таня слушает, как другие бубнят

чуть не по складам, ходы всякие предлагает. Мария Фёдоровна, воспитательница, переживала, что не успеют выучить. Премьера скоро, а кукол ещё и в руки не брали.

Нет, за ширмой неинтересно. Кривляешься изо всех сил, на поклоне только тебя и видно. Что за искусство такое?

– Можно я на Новый год танец сочиню? – подошла к Нине Павловне, музыкальному руководителю.

– Сочинишь? – удивилась та поверх очков.

– Вы мне только сопровождение подберите, а я придумаю, – заверила Таня.

Сговорились на «Вальсе снежинок». Снежинкой Таня до конца детского сада проработала. Ничего оригинальней Чайковского в сборнике для дошкольников не нашлось. Искать другие ноты некогда. У Нины Павловны дома дети. И муж. Нина Павловна за ним следит, чтоб к другой не ушёл. Сильно сомневается, что с такой красавицей вообще кто-то жить сможет. Маленькая, рябенькая, очки в пол-лица, волосы жиденькие, сама худая, как щепка. Мужчинам женщины в теле нравятся. Нина Павловна даже булочки пыталась есть и пирожки. Утром, в обед и вечером. Думала, поправится. Не вышло.

Кроме болячек, ничего не вышло. С тех пор и боится, что муж к другой уйдёт.

Платье снежинкино мама сама сшила (бабушка в отъезде была). Из фаты своей. Что там на Таньку шить? Посидела вечер: две строчки, одна резинка – готов наряд. Попробовали в салон для новобрачных просочиться, чтоб веночек на голову купить. Не вышло. Без приглашения из загса даже колготки не продадут.

Раз Танюшке выпала удача. День дружбы народов в саду объявили! По такому случаю украинский танец разучили, костюмы выдали. В универмаге купили ленты атласные, разноцветные, к цветочкам-веночкам приладили. Краше всех Танюха была. Да в красных сапожках! (У народников заняли.) Такого гопака устроили, младшие группы внизу ревмя ревели! Завидовали.

...Вечером после уроков самое время выступать. Суп сварила, паласы почистила. Что тут у нас? «Миллион, миллион, миллион алых роз...» – заводила пластинку. Пластмассовый пенал превращался в микрофон, из шифоньера доставались шёлковая мамина юбка, с японскими цветами, серебристые босоножки на каблуках, бусы, клипсы. Для верности образа – польская косметика: жирные тени, тушь, румя-

на, губы подвести. На цыганку, конечно, больше смахивает. Но для миллиона алых роз тоже вполне сойдёт. Можно, конечно, и «Лаванду»... «Лаванда» даже предпочтительней. «Наших встреч с тобой синие цветы!..» – завывала, как ветер в трубе, Таня. Главное – до прихода мамы умыться успеть. Из слушателей – кот Кешка. Сидит на диване, жмурится, только хвост подрагивает. К концу представления кот крепко спал, свернувшись клубочком.

После ужина мама пристраивалась съезд КПСС слушать, а Таня – разглядывать статью о ВГИКе в «Музыкальной жизни». Конкурс на место – четырнадцать человек. О-го! Это если через шесть лет поступать, какой тогда конкурс будет? В статье призывали хорошенько подумать, осознанно подойти к выбору будущей профессии. Чтобы избежать разочарований. Многие девочки мечтают стать актрисами, но не у всех есть талант. В наличии таланта Таня не сомневалась. Немного беспокоила красота. Сползла с дивана, подошла к зеркалу. Без разочарований тут не обойтись (вспомнила Нину Павловну). На столе лежали открытки с лучезарной Любовью Орловой. «Тюх-тюх-тюх, разгорелся наш утюх!..» Вот если по существу:

ну разве ж они в «Весёлых ребятах» красивые? Совсем на нынешних людей не похожи. Лица большущие, носатые. Глаза пучат, губы бантиком. Вечно мокрые, грязные, оборванные... А на открытках – сияют! Конечно, была надежда, что с возрастом и Таня превратится в прекрасного лебедя. Но надежда слабая, совсем даже призрачная. Как-то всё очень туманно в рябом шифоньерном зеркале.

Басню, стихотворение, отрывок прозы... Спеть, станцевать... Надо начинать готовиться. Три тура – это вам не шуточки! Чего тут думать? Слава ждёт. Таня взяла со стола томик Крылова, открыла «Ворону и лисицу». Или лучше «Мартышку и очки»? Правдоподобней выйдет. Если по всему дому очки собрать, сорок пар и наберётся. Бабушка лишние на чердак относила. Там, в «мезонине», столько всего! Даже из театра приходили, спрашивали. Натуральный реквизит потому что. Будущей артистке – как раз.

Бабушкина физкультура

Зима совсем испортилась. Январский ветер выметал с оледеневших улиц последнюю снежную крупу, что-то насвистывая себе под нос. Ему всё равно, что физкультура пропадает. Ладно – коньки! Воды из шланга налил да катайся. На Медео даже летом на коньках катаются! А лыжи? С лыжами что прикажете делать?!

Таня водила пальцем по заиндевевшему стеклу, отогревая клочки заоконного мира. Сарай совсем сгорбился, почернел, углы заострились. Поскрипывает, мол, живой, не боись. За забором солдаты рукавицами постукивают, заледенели рукавицы-то, а снег всё равно чисть. Вернее, сметай. Снегу-то – с гулькин нос. И

чего его мести? Машина пройдёт, снова надует. Солдатики ходят, как цапли, ноги поджимают. На метлу обопрутся и прыгают.

У Тани температура. Успела с утра градусник на батарее нагреть – 37,8. Достаточно, чтобы в школу не ходить. За 38 нагреешь, ещё в больницу повезут. Неохота в мороз такой на улицу. В школе отопление поломалось, домашних плиток натащили, всё равно мороз до костей пробирает. Лучше уж дома у печки.

«Разве это зима?» – вздохнула Таня, сползая со стола, приткнутого вплотную к окну. Чтобы правильный свет был. Учебники, книжки, тетрадки... Не до них. Вышла на веранду. У стенки притулились лыжи – новенькие, ни разу не надёванные. Пластиковые. Прежние пахли краской и деревом. Эти ничем не пахнут. Таня из деревянных выросла. Вон – целый комплект смазки к новым-то. Только чем температуру мерить? Градусник в снег не засунешь (это уж совсем дурочкой надо быть). Про воздух по телику рассказывают. Но почему-то только в Москве и Ленинграде, про Южно-Сахалинск молчат. Будто в Южно-Сахалинске лыжи мазать не надо. Без смазки не поедут. Пробовали как-то с бабушкой. Бесполезная трата времени.

...Снега тогда по самую крышу намело, дверь не смогли открыть. Навалились втроём – бабушка, мама и Танька, дверь чуть отошла и всё.

– Ура! Замуровали! – обрадовалась Танюха.

– Нашла чему радоваться, – улыбнулась бабуля. – Этак до весны замурованные и просидим.

У самой глаз лукавый, огнём светится. Не верит ей Танька про весну. Про ужасы так не говорят. Ужасы молча передают. Мама когда соберётся ужасное рассказать, бабуля на неё цыкнет, та и притихнет. Ужасы – это когда на работу не устроишься. Когда уголь не укупишь, а в углярке вёдер десять от силы. Или свет тайфуном оборвёт. Ужасы, когда мама в командировку уезжает, а у бабушки камни в почках зашевелятся. Танька тогда ноги в руки и до телефона к ресторану бежит: «Дяденька, “скорую”!» Очередь у телефона шипит, извивается. «У меня бабушка, – хнычет Танька, – помрёт, я одна останусь!» Дяденька дрогнувшей рукой наберёт «03», подождёт и уже официальным голосом продиктует в трубку бабушкино имя, отчество, фамилию, возраст, адрес, место работы, что беспокоит... Таня выучила симптомы и диагноз, чётко диктует по

слогам, мужчина так же чётко передаёт в трубку. Понимает – дело серьёзное.

«Скорая» ещё немного думает, торопиться ей или нет. В конце концов, две замученные, пожелтевшие от вызовов тётеньки увозят бабушку в больницу. За Таней прибегает соседка. Ну не совсем соседка – тётя Глаша, бабушка Танькиного детсадовского одногруппника. Высокая, сухая, жилистая, в вечной косыночке. Она там, за рекой живёт, в одиннадцатом микрорайоне. Таня закрывает дверь на ключ, подхватывает пакет с пижамой и командует:

– Пойдём, тёть Глаш! Я Жорку сто лет не видела.

У тёти Глаши в квартире народа битком. В трёх комнатах дочь с зятем, Жорка, внук (старший), Юлька, сестра его (младшая), ну и сама тётя Глаша, разумеется. С вареньями, соленьями, настойками и пирожками по выходным. Ещё у них кольца есть. Прямо к потолку прибиты, на них висеть можно и подтягиваться. Очень удобно в цирк играть. Танюха ещё не очень умеет. Но скоро научится вниз головой висеть и «берёзку» держать ровно-ровно, долго-долго... Бабушки физкультуру поощряют.

...В ту снежную зиму Тане купили первые лыжи. Светленькие, сверху лаком протянутые, с рыжими снежинками на носу.

– Ба! Лыжи-то конопатые! – прыснула со смеху Таня.

– Ну конопатые, – согласилась бабуля, – зато прочные какие, гляди!

Крепления детские. Это Таню, конечно, расстроило. Нога до взрослых не доросла. Потому не в ботинках, а в валенках кататься придётся. По телику видела, как спортсмены лихо с гор съезжают и обратно забираются. И тебе ёлочкой, и в накат, а то просто толкнутся раз и несутся, замерев. Диво!

Вечером дождались, чтоб потемнее было, выбрались во двор. Танюшке совестно, вдруг подсмотрит кто, как она не умеет. Засмеют. Да и бабуле днём объяснять некогда. Дела! На птицефабрике столько полов. Покуда все перемоешь, куры сто раз снесутся. Потом дома – одно, второе, пятое. Вот так в потёмки и вышли. Бабуля внучку на горку подсадила, сама вскарабкалась. Таня в крепления впуталась, палки схватила и – нырь! – с горы в огород. Там снега! Благодать! А лыжи не едут...

Таня проваливается, по самую холку зарываясь в сугроб. Неправильные лыжи какие-то. Не едут. Никак! Пот из-под шапки ручьём, по спине вообще рекой.

– Ты лыжню, лыжню-то сперва натопчи! – бабуля сверху кричит. И рукой показывает, как лучше топтать-то. – Натопчешь лыжню, легче кататься будет.

Это, значит, круг сделать да ещё десять, чтобы лыжные следы натянулись, как ниточки, и держали Таню-колобка, не роняли. Покрутилась, потопталась.

– Ба! – снова кричит. – Я больше не могу физкультуру!

Ещё шаг, и провалилась с головой в вязкую снежную вату. Сил нет, не выбраться. Глаза и рот залепило. Ресницы слиплись, чёлка висит сосулькой. Облачка пара вырываются изо рта, долетают до почерневшего, беззвёздного неба. Вон месяц висит рогулькой. Звёзд не видать. Дыхание быстро остывает. Зябко. Будто миллионы иголок вонзились в руки и ноги. Сразу.

– Горе ты моё, горе! – бабушка спешит к внучке, утопая по грудь в снегу. Добралась, за капюшон ухватила – тащит. Не лыжня, а траншея получилась. Таня плывёт себе в бабулином

фарватере. Лыжи на ногах болтаются. Жалко бабулю. Да Танька совсем теперь бесполезная.

– Говорила, легче одевай, а она – шубу! Ребёнок на лыжах кататься, а она – шубу! – ворчит бабуля, втаскивая Танюху на последний снежный редут. – Ну всё! – отдыхивается. – Снимай свои деревяшки!

Мама не верит ни в какие скорости и лыжи. Мама верит в мороз и простуду. И в бюллетень, на котором придётся сидеть, если Таню совсем развезёт. Потому собрала не лыжницу, а капусту. Сто одёжек. И все с застёжками. Колготки, рейтузы, штаны, сверху комбинезон. Футболку, рубашку, свитер с горлом, кофту, шубу. Две шапки, капюшон.

– Хорош лыжник получился! – уже смеётся бабуля, оттаивая Таню у печки.

Тазами загремели, сейчас мыть будут. «Пусть что хотят, то и делают», – засыпает Таня, развалившись на полу в кухне. Валенки сушатся, снегом пахнут. Васька-кот, из Сибири привезённый, смотрит круглыми зелёными глазами на гору лыжной амуниции и диву даётся – дела! Подошёл к Танюхиной сонной мордахе и давай вылизывать. Язык шершавый, щекотно. В волосах запутался. Коса длинная, Ваське надолго работы.

...Во втором классе Тане купили лыжи с настоящими креплениями! Просверлили дырки в лыжных ботинках, купили смазку – всё по науке! Танюха здоровая. В огороде тесно стало кататься, на школьном стадионе – скучно! Что делать? Бабуля всех на лыжи поставила: у мамы красные, у Тани синие. Спортивные костюмы купили, шапочки. И давай в горы бегать. Мама с Таней быстрые: вверх по улице, до лыжни скоро бегут. Бабуля потихоньку следом. Ей лыжи не купили почему-то. Но она и так, пешком, догонит. В гору – не с горы, тихонько даже на лыжах идёшь. Таня оглянется: бабуля сзади. Во-он! Ну видно же! Чёрная цигейковая шубка, серая каракулевая шапка. Встанет, подождёт, чтоб догнала. Заодно сама отдышится. У бабули лицо белое, щёки розовые-розовые. Заглядится Таня, задом попятится и – плюх!

– Ба! – кряхтя, выбирается из очередного кювета. – Надо тебе белую шубку купить и кокошник. Будешь, как Снегурочка.

– Ага! И Деда Мороза приставить! – смеётся бабуля, помогая Танюхе разобраться в ногах. Отряхнула, по носу щёлкнула. – Беги! Мать-то вон уж где!

Да, без бабули никак. До Долины туристов доберёшься, там горки – ух! Только ветер свистит в ушах. У Тани тормозить ещё не очень получается. С такой скоростью вариантов приземления только два – за деревья внизу ухватиться либо – что предпочтительней – в кювет нырнуть. Не то вылетишь на лыжню, собьёшь кого. Или тебя собьют. Авария гарантирована. Бабуля как увидит, что тормозной путь кончается, сразу руками машет и кричит: «Тормози!» Таня садится на землю между лыж, там уж куда занесёт. Хорошо, что бабуля внизу стоит. Далеко видно. Нет, не надо ей белой шубки, чёрная в самый раз. Стоит, с ноги на ногу переминается, варежки снимет, в ладошки дует. Ждёт, когда Танюха сверху прилетит: «Ба-бу-ля-а-а!..»

...Совсем зима испортилась. Снега нет. Лёд один. Мутный, с белыми разводами. На улицу выходить боязно, упадёшь, ногу сломаешь или вовсе расшибёшься. Бабули нет, кто соберёт?

Таня лыжи гладит. Новенькие совсем. Подошва пластиковая. В прошлом году без палок научилась кататься. На этих, говорят, без палок проще. Как на коньках – едешь себе и едешь. Чуть вперёд наклониться, лыжи сами ход наберут.

Тётя Мама

Из ванной доносился горячий запах блинчиков. В кухне – печь (её топить), в ванной – плитка (электрическая). Так что ничего особенного.

Бабушка сидела за плиткой каждое воскресное утро, управляясь с двумя сковородками, распаренная, раскрасневшаяся. Прибежит Танюха, схватит блин – вку-у-усно!..

– Вы кто? – удивляется Таня, наткнувшись в ванной на незнакомую тётю в очках. Круглолицая, круглобокая, тётя ловко поворачивалась среди тазиков с тестом, тарелок с готовыми блинчиками, окунала палочку с намотанной марлей в масло, весело натирала сковороды, тут же хватала половник, и вот – блин переворачивался в воздухе румяной стороной вверх.

– Альбина. С тобой поживу, пока мама не вернётся, – улыбнулась тётя. – Её в Москву отправили. В командировку. Ну? Чего смотришь? Хватай, пока горяченький.

Альбина свернула пылающий блин вчетверо, перекинула на блюдце.

– Сгущёнкой полить?

– Нет, спасибо. Я так... – задумалась было Таня. Но немедленно очнулась: – А вообще-то полить.

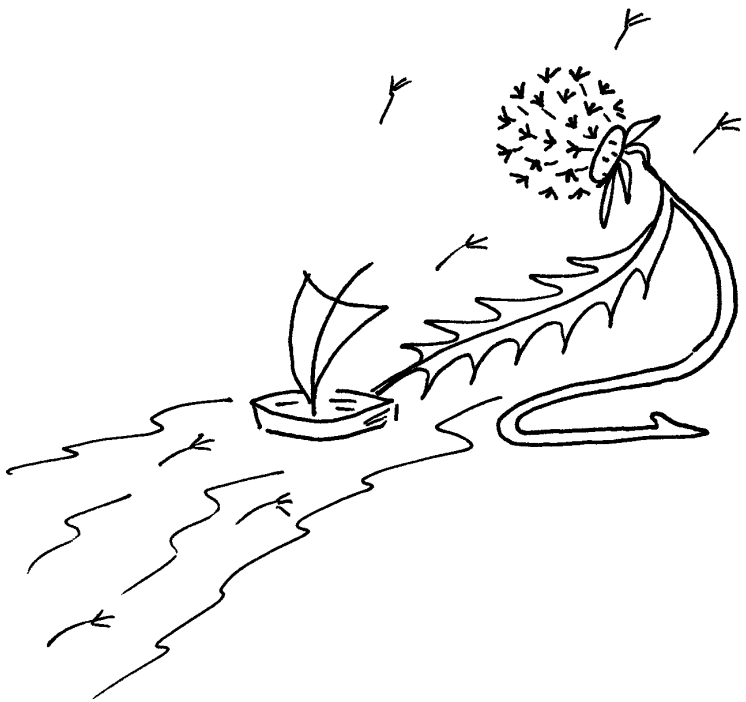
Альбина новенькая. Раньше Таня её не видела. Тётя Оля, тётя Валя, Инга Валерьевна (тётей её сложно назвать – очень взрослая), ещё дядя Толя, дядя Гена, дядя Олег. Таня всех на маминой работе знает. У тёти Оли муж – старпом, в моря ходит. Живут в малосемейке. Комната с маленькой кухонькой. Ванна сидячая. Нина – дочка, на шкафу спит – на «второй полке» (везёт же...). Сами на матрасах, о кровати только мечтают. Потом ещё Вовка, братик, народился, совсем тесно стало. Таню у тёти Оли только днём оставляли. Они с Нинкой как-то в Северный полюс играли: набрали в ванну ледяной воды (горячую отключили), залезли вдвоём и давай волны делать.

Тётя Валя во Владимировке жила. Туда ближний свет бегать. Трубы печные небо коптят, собаки лают. Тёте Вале за сорок, некогда ей

с Танюхой возиться. Но на работе доглядывала, уроки иногда проверяла.

У Инги Валерьевны один раз ночевала. Она вообще через дорогу от работы живёт. Маленькая, сухонькая, голосок кукольный. Даром, что старше всех. Они с Таней одного роста. У неё дочка. Поздний ребёнок. Живут вдвоём. И очень правильно. Инга Валерьевна согласилась Таньку взять, потому что больше некому. Что такое поздний ребёнок и чем он отличается от обыкновенного, Таня постеснялась спросить. Всю ночь пошевелиться боялась. Инга Валерьевна с дочкой даже спали одинаково: на спине и дышали в такт. Страшно тишину нарушить, дыхание сбить. Таня в потолок уставилась, чтоб мысли не шевелились... Еле утра дождалась.

С дядями проще. У них Таню ни разу не оставляли. Дядя Толя – баянист. До того у него баян разговорчивый. На какое-то время Таня даже решила, что непременно баянисткой станет. Вон как пальцы по кнопкам бегают. И лицо у него такое... Светлое, загадочное. Будто увидел что-то хорошее и любуется. «Дядь Толь, ты куда смотришь, когда играешь?» – щекой прижалась к плечу.



«В небо», – бородой ей нос щекочет. «Так тут потолок один!» – «Я сквозь него гляжу», – глаза лучатся, мехá растянет и опять весь загадочно-отрешённый. «Так не бывает», – вздыхает Таня и слушает дядю Толю, слушает. На репетициях подле него старалась угнездиться. Сзади стул подставит, спиной прислонится, иначе нельзя – дядя Толя качается, как дуб. Ну тот самый, к которому рябина никак не переберётся.

Дядя Гена – журналист. Он вообще из Макарова. Фотокорром в газете трудится. У него лаборатория настоящая, «Смена» с широкоугольным объективом, ванночки, проявители, закрепители, всё, как полагается. Как-то с мамой у него гостили, он Танину руку положил под фотоаппарат и щёлкнул. «Будем наблюдать, как быстро ты растёшь». Хорошая идея. Уж поскорей бы вырасти, что ли.

Дядя Олег – майор. У него сын. И ещё один родился. В гости с коляской непременно приходил. И старшего захватит, чтоб Танюхе не скучно было. У мамы весело, шумно. Стол накроют, там и тётя Роза из Поронайска подкатит, и тётя Маша из Ноглик, и тётя Нелля... Тётя Нелля рядышком, у тюрьмы живёт. Дядя

Олег сыну своему с Танюхой «берёзку» командовал делать, спина к спине, рост сравнивал, а после на ноги сажал младшего и пальцем грозил: «Уроните, прибью». Это в цирк так играли. Семейное представление...

...За две недели командировки Таня к Альбине ужас как привыкла. Приросла. Она английский делать помогает (откуда знает?), музыку проверяет (когда Таня музыку бросила, Альбина не сердилась, наоборот – рукой махнула: ладно!), у неё горячая вода дома и титан топить не надо. Купайся, сколько хочешь, пока вода не остынет. Остынет – старую спустит, новую нальёт. Волосы вымоет небольно, в полотенце закутает и так к себе прижмёт, аж дух захватывает. Прижмёт и гладит: «Моя ты моя!»

Альбине – двадцать семь, детей нет. Врач сказал – вряд ли будут. Мужа тоже нет. И вряд ли будет. У Альбины характер. Если что не по ней, дверью хлопнет и уйдёт. Никому не спускает. Потому что жить с достоинством надо. Или с мамой. Та послушная. Коту минтай варит в кастрюльке. Кот белый, хвост облезлый. Старенький уже. Но тоже с достоинством. Кошек в дом не водит.

Диван у них скрипучий, Таня замучилась. Потом привыкла и уснула. Главное – читать никто не запрещал. Читай, сколько хочешь, только утром в школу. Тут уж сама соображай. Таня му-

ми-троллей всех-всех прочитала и Пеппи Длинныйчулок. У неё папа – капитан дальнего плаванья. Сама, без никого живёт, пиратские монеты в дупле прячет. У неё лошадь. И делать может всё, что в голову придёт. Потому что скучно жить – скучно. Можно быть и умным, и красивым, но дурака повалять очень хочется. Или клад найти. Необязательно драгоценный. Можно старую карту... Они с Альбиной однажды так бежали – дома вдруг клад оказался! Бежали, бежали, рыла Таня, рыла. Нашла! Шоколадку. Альбина тем временем уснула. Ей не до клада. Замёрзла на горке, пока Таня каталась. У печки разморило, на диван в прихожке прилегла и уснула. Таня одеяло приволокла, укрыла. Шоколад в холодильник положила. «Проснётся, вместе съедим».

Мама вернулась с подарками: игру электронную притащила, луноход с программой управления. На кнопочки нажимаешь: три шага вперёд, поворот налево, два шага вперёд, пять выстрелов из лазера, одна звуковая атака, стоп. Осталось «старт» нажать, и машинка всё послушно выполнит. Пока играла, Альбина исчезла.

– Куда ты её дела? – прицепилась к маме.

– Кого?

– Альбину!

– Домой пошла.

– Как домой? Мы, что, без неё жить будем?

Мама задумалась. Думала-думала:

– Ну, раньше же как-то жили...

– Не хочу «как-то», хочу с Альбиной! – расстроилась Таня. Отшвырнула в сторону «Весёлого повара», подбрасывающего на сковородке всякие вкусности. – Я без неё умру!

Договорились, что Тане можно будет каждый день к маме на работу приходить. И сколько угодно с Альбиной сидеть, только не мешать. Танька вытерла глаза, умылась, сгребла книжку про Пеппи и ушла к себе. Книжка старая, страницы топорщатся, вылетают. Подклеить надо. Рыжая мордашка подмигивает со страниц – ничего, сейчас что-нибудь придумаем.

Таня страсть как хотела выучиться на машинке печатать. Тётя Валя раздобыла где-то целую пачку гороскопов, и все сотрудники кинулись свою судьбу перепечатывать. Во, дела! Не всем, оказывается, по тем гороскопам, жить друг с другом полагается. Особенно по Восточному. Танька схватила пачку, про себя нашла и вдруг завопила:

– Альбина, мы должны жить вместе! Здесь написано, смотри!

– Прямо так и написано?

– Ну почти. Смотри, смотри!

Танька плюхнула перед ней стопку с гороскопами. Альбина кивала головой. Улыбалась.

– Можно я себе перепечатаю? – сделала умоляющие глаза.

– Ладно, давай. Только аккуратно.

Вкрутила жёлтый лист в машинку, полуслепой оригинал положила сбоку. Поехали: «Раки очень восприимчивы...». Всего четыре опечатки и один раз на каретку вылезла. Может, печатницей сделаться? Машинки стрекочут, телефоны звонят. Сидишь важная, слегка голову наклонив. Люди заходят, извиняются – за беспокойство. А ты их и не видишь. Некогда тебе, одни буквы перед глазами: трак-так-так-так-так-так, щёлк, вжи-и-ик!

Нонна Геннадьевна, бухгалтер, сказала, что лучше на счётах учиться считать. Печатница – профессия легкомысленная. Ещё б в секретарши придумала! Вот счётами щёлкать – это совсем другое. Работа важная.

– Я в цифрах плохо понимаю, – отмахнулась Таня.

– Учись хорошо понимать, пригодится. – Нонна Геннадьевна осторожно закрыла тучную Книгу приходов, поставила на полку и взялась за расходы. Делала она всё медленно, плавно.

Без резких движений. Все думали – уронить себя боялась. Таня точно знала – артрит у неё и поясница радикулитная. Она у Нонны Геннадьевны целых два дня прожила с котом Кешкой, когда бабушку хоронили. Мама решила, что Тане рано на похороны. «Ну, когда станет пора, и хоронить уже будет некого», – сердилась про себя девочка. Взяла Кешкину скакалку (вместо ошейника – гулять) и пошла надутая в кукольную старушечью квартирку. В спальне подушки горкой в наволочках накрахмаленных – белые-белые! И вышивка по углам. Перина высокая, от белья мылом пахнет, а не хлоркой. Таня с мамой на новеньком «Минздраве» спят. В больнице поделились, мама взамен свои простыни подсунула. Больнице всё равно, лишь бы штамп стоял. Хватятся – проштампуют. Глаза откроешь, а по наволочке зелёный «Минздрав» скачет.

Кешка во дворе всех котов распугал, а собаку забоялся, на дерево влез. Тянула-тянула за скакалку. Чуть не задушила, бедного. Нонна Геннадьевна с балкона парня какого-то позвала, чтоб кота снял.

Медленно-медленно налила на кухне в блюдечко молоко – испуг снять.

– Вообще-то коты рыбу едят, – уточнила Таня.

– Так рыбы нет...

– Купить можно. В магазине продаётся.

– Ты, что ли, пойдёшь?

– Могу и я.

– Оставишь меня со своим мерзким котом?

На счётах Таня быстро научилась костяшками стучать: складывать, вычитать. Но с Нонной Геннадьевной больше не разговаривала. Кешку мерзким котом назвать! Фу!

Альбина никогда никого мерзким не называла. Даже если сердилась, крепче «гады бесхозной» от неё не дождёшься. Да так смешно у неё это выходило. Видно, что сердится, но не злобится... Танька совсем соскучилась. Подошла к маме и по-честному спросила: «Ты скоро в командировку уедешь?» – «А что?» – «К Альбине хочу...»

Тут наоборот Альбина в командировку собралась. С Сахалинским народным хором. Куда-то на запад. Таньке всё равно, куда. У неё в глазах слёзы собирались и грозили вот-вот вылиться. День солнечный, весенний, на площади демонстрация шумит. Паровоз пышет, люди на перроне толпятся, целуются, прощаются. У Таньки всё внутри обрывается.

– Альбина, возьми меня с собой! – ну вот и оборвалось. – Я себя очень хорошо вести буду. Лучше всех. Или не уезжай вовсе. Или возьми. Ну, пожалуйста! – Таня уткнулась в мягкий живот: – Не бросай меня!

Женщины переглянулись. Мама достала кошелёк, вынула пятёрку:

– На билет и на бельё. Купишь ей трусы с майкой. А то будет сутки в грязном ходить.

– Придумаем что-нибудь. Ну, коза! Хорош реветь, полезай в вагон!

Неужели?! Что, правда? Ой! Вот уже и окно открыли и машут руками застывшей на перроне фигурке:

– До свиданья!

Альбина Таньку придерживает. Та смеётся.

И поехали – сквозь туннели, через реки, по горам-лесам: «По До-о-ону гуля-а-а-ет... По До-о-ону гуля-а-а-ет... По До-о-ону гуля-а-а-ет ка-а-зак ма-а-а-ла-дой». Хор репетирует.

У Альбины и фамилия к песне подходящая – Донская. Может, за нею песенный казак гулял? Обещала Таня вести себя хорошо. Но не утерпела – на третьей песне тоже затянула: «Ой, то не ветер, то не ве-е-е-тер!..» Тоже ж в хоре пела. Хоть и не в русском народном. Альбина обняла Танюшку, так и ехали – до моря-океана. То есть, Татарского пролива. Самые счастливые на свете.

Потом мама с Альбиной поругались. Совсем потом. (Танюхина рука на треть вырасти успела.) Альбина собрала на работе вещи и ушла.

За ней тётя Валя заявление об уходе подала. Нонна Геннадьевна на пенсию собралась. У неё никак не получалось на калькуляторе дебет с кредитом свести. Мама молодую бухгалтершу нашла. По объявлению. У той глаза горят, длинная, как каланча, юркая. На кнопочки нажимает – пуль-пуль-пуль – готово.

Однажды мама как бы невзначай обронила, что видела Альбину с коляской. Дочку родила. Леной зовут.

– Дочку?.. А я? – разволновалась Танюшка. – Про меня не спрашивала?

– Не до тебя ей.

– Неправда! – Таня рассердилась и побежала проверять. Запыхалась, но в звонок на всякий случай звонить не стала. Поскреблась в дверь. Открыла мама Альбинина:

– Проходи! – прямо сияет вся. Из комнаты малышачье кряхтенье доносится. Значит, правда...

Альбина ловко запеленала Лену колбаской. Красивая какая. Щекастенькая. Носик-кнопка. Бровок почти не видно... Это больше не её дом. Танюха кожей почувствовала. И чем отличается поздний ребёнок от обычного, тоже поняла... Альбина взяла на руки проснувшуюся дочку, поцеловала в сморщенный лобик, тихонько прошептав: «Моя ты моя...»

«Зарница»

«Горизонт» капризничал, демонстрируя переливающуюся тонкую линию на почерневшем экране. А должны быть «Приключения Карика и Вали». Звук есть, картинки нет. Таня телевизор со всех сторон обстучала, выключила стабилизатор, вынула предохранители, остудила и снова засунула, перенастроила канал, ещё постучала... Карик и Валя не показывались.

– Ну вот... – девочка села посреди комнаты, обхватив колени руками, расстроилась. Книжка десять раз перечитана, так хотелось кино посмотреть. Тем более школу прогуляла. Ради них... Давно надо было мастера вызвать. Танины познания, к сожалению, исчерпаны. Вообще-то она легко учится. Пришёл как-то

дяденька с тяжеленным чемоданищем, щёлкнул замками – там добра!.. Машинка с прыгающей стрелочкой – напряжение мерить, проводки такие, проводки сякие, приборчики, платы. Сидела тише воды и подглядывала. Потом сама справлялась. И про мастера забыли.

– Дело в плате, не иначе, – закрепила диагноз Таня и выключила бесполезный ящик. Скорей бы уже седьмой класс! Там физику проходят. Или, может, к мальчишкам на труды сбегать? Научили б схемы паять... Придётся ехать в кино. Не пропадать же дню!

Шифоньер, пахнувший нафталином, Таня обследовала на предмет карманной мелочи. Проверила дальние углы, выдвинула ящики с обувью – на всякий случай, обшарила полки с постельным бельём – набралось как раз на детский сеанс. На взрослый не пустят. На взрослый она и не претендует. Кино хотелось сейчас. Хорошо бы с приключениями.

В автобусе протиснулась к кассе. На несколько остановок она кондуктор. Принимает монетки, опускает в щёлочку, откручивает билетик – пожалуйста! Вам сколько? Два? Пожалуйста! Касса дразнится, высовывая бумажный язык, Таня его обрывает. Потому что совесть – лучший контролёр. И если кто без билета, берегись.

До кинотеатра три остановки, от почтамта чуть-чуть вернуться. Остановки длинные. Автобусов мало. Людей набивается, рука устаёт билеты откручивать. Но Таня не жалуется. Почему бы ей не стать кондуктором? Сумку на плечо: «Граждане, оплачиваем проезд! Покупаем проездные! На июнь!» Душно, правда, в автобусе, а зимой холодно. Зато сколько пользы.

В кино «Армия Трясогузки»! Тоже до дыр затёртая, но так и не смотренная. За билетами очередь, это ничего. Девочка проскальзывает в стеклянную дверь и спрашивает последнего. О, ужас! В очереди уже стоят две Танины одноклассницы. Вика и Светка. Света, понятное дело, светленькая, голубоглазая, высокая. Ножки-прутики, две косы-баранки. Вика – маленькая, лицо-луковица, волосы стянуты в чёрную тугую косу, кожа смуглая, глаза восточные – мамина надежда и опора. Это все в классе знают. Потому что после продлёнки ребята по дворам носятся, Вика же берёт портфельчик и топает домой – готовить ужин и мыть полы. Делает она это ежедневно – мама страшно не любит пыль. А пыль – маму.

– Вы чего? С уроков слиняли? – насторожилась Таня.

– Уроки сократили. Завтра же День Победы! – напомнила Вика, типа не замечая Таниного прогула. Той стало неловко перед командиром «звёздочки». Но слов в своё оправдание она не нашла.

Светка стояла и улыбалась. Она тоже любила кино, но находилась под Викиным шефством – исправляла двойки и поведение. Потому радовалась молча, растягивая улыбку.

В зале девчонки следили за Трясогузкой, Микой и Цыганом, обмирая и ахая. Командир «звёздочки» сжимала кулачки и подскакивала, когда завязывались нешуточные баталии между красными и белыми: «Так их, так! Давай!» Троица рвалась на помощь, но сбоку и сзади шикали, требуя тишины.

Ветер победы вынес девчонок из зала. Растрёпанная, с лихорадочным блеском в глазах, новая армия Трясогузки ринулась врукопашную с кустами бузины, не жалея ни себя, ни противника. Ветки били по лицу, больно кололи руки и ноги, но грозное «Бей! Бей!» с утроенной силой неслось по Коммунистическому проспекту. Нежные листья и едва распустившиеся цветки слетали на серый потрескавшийся асфальт.

Отдышавшись после короткой стычки, подружки решили идти домой пешком. Расцара-

панные мордашки внимательно высматривали в каждом дворе и закоулке потенциальную контру. Под удар попали дырявое ведро, консервные банки, забытые на верёвках половые тряпки, зазевавшаяся ворона, растянувшийся на солнышке кот. Вооружившись палками, партизанки пробирались теньком, затаиваясь в небольших овражках, прячась за заборами бараков, подглядывая за передвижениями вражьих сил из-за насыпей и дверей подъездов. Враг был повсюду. Но, как известно, ему не сдаётся наш гордый «Варяг».

Возле Таниного дома Вика, по негласной договоренности ставшая Трясогузкой, дала ей серьёзное поручение – составить карту завтрашнего поля боя. Что, Мика-Танька до сих пор не знает, что завтра «Зарница»? Ну и вот. «Драться будем насмерть!» – предупредила командир.

– Ты же понимаешь, какое серьёзное в стране политическое положение? – Вика буравила взглядом Мику-Таньку.

Таня понимала и готова была на всё.

– Жаль, поезд под откос пустить не удастся. – Света, ставшая без обсуждений Цыганом, вызвалась отыскать орудия боя (хотя бы рогатки на худой конец), притащить тетрадки для протоколов.

Девичий ум бешено работал и уже рисовал схемы будущих допросов, пыток белой сволочи, которой ужас как хочется обратно всё завоевать и победить мировую революцию. Кроме того, из политинформации, еженедельно проводящейся в классе, армия знала, что всем грозит перестройка, стало быть, рано складывать руки.

Утром, ещё не остыв от переживаний, девчонки вместе с классом отправились на парад. Потом началась «Зарница». Решили работать под прикрытием. Три щупленьких санитарки легко проберутся в стан врага, а там уже захватят языка, притащат, как миленького, и всё он им расскажет и про штаб, и про флаг. План единогласно был одобрен. Противника в этот раз изображал третий «В», там Таня кое-кого знала, могла запросто втереться в доверие. В конце концов чем отличаются санитарки-«бэшки» от «вэшек»?

Был дан сигнал к началу игры. Ракета медленно опускалась, вырисовывая белую дугу, а три тени уже пробирались по склону горы, не жалея колен и белых фартуков.

– Тс-с! – приставила палец к губам Вика. – Вон, видите? За рекой, там, в кустах?

Девчонки уставились, щуря глаза на солнце, туда, куда указывал Викин палец. Действительно, в кустах что-то шевелилось. Или кто-то... Эх, бинокль надо было брать. Но санитаркам не полагалось. Они и так нарушили все правила. Нужно было заниматься ранеными, а они тут, ведут наблюдение. Ничего, язык всё искупит.

Но как перебраться через реку? В обход? Себя выдашь. Лежать и ждать – тоже никуда не годится. Главное успеть закрасить. И тогда он раненый. С раненым уже можно делать что хочешь – брать в плен, например.

И тут случилось невероятное: из кустов – сам! – вышел, потягиваясь, взъерошенный Витька Геращенко. Без всяких знаков отличия. Разморенный, уставший, он отлёживался в кустах. Уйти с «Зарницы» нельзя. От физкультуры у него освобождение. Зрение. В школе Витькины очки были палочкой-выручалочкой – ими можно добыть огонь, ещё – деньги. Малолетки, не изучавшие физику, не верили в оптическое чудо и шли на спор, что бумага не загорится. Каково же было их удивление, когда через несколько секунд тетрадный листок начинал дымиться под Витькиной линзой. В общем, Витю не обижали. Пуще того – берегли. Он был самым счастливым очкариком в школе.

Но тут его планида зазевалась. Не доглядела за витийствующей Викой, у которой в голове перемешались все – белые, красные, русские, немцы. Долг и честь подсказывали единственно правильное решение – метить очкарика и добывать флаг.

– Получай! – Вика-Трясогузка выпрыгнула на берег и, размахнувшись, залепила шарик с краской в Витьку. Тот как раз наклонился умыться. Вздрогнув, он оступился и соскользнул в воду. Очки упали и запрыгали по камушкам, подхваченные игривой речушкой.

– Вы чего?! – шарил руками вокруг обезоруженный Витька. – Чего ж вы так орёте? И где мои очки? – он не заметил, как по плечу его растеклось голубое пятно краски, как Вика кинулась в воду, почувствовал только, как схватила его за рукав и потащила на берег.

– Идём! Ты нам всё расскажешь! – свирепела она.

– Вик, да я тебе, что хочешь, расскажу, – улыбнулся Витя, признав, наконец, в ней свою. – Только помогите очки найти.

Таня со Светой копошились в камнях, пытаясь догнать выскальзывающие стёклышки.

– Вик, он же ничего не видит! Подожди!

Но Трясогузка была неумолима.

– Я тебя выследила, я поймала, я и допрошу. Говори, где ваши флаг спрятали? – подступила к нему с воображаемой палкой-винтовкой. – Говори, а не то...

– А не то, что? Расстреляешь? – усмехнулся рассердившийся Витька, разглядывая расплывающуюся санитарку. – Не знаю я ничего про ваш дурацкий флаг. Дурацкий флаг, дурацкие игры! – закричал он.

– Говори, где флаг! – Вика размахнулась и огрела Витю винтовкой. Взвыв от боли, он закрутился на месте и стал приседать, схватившись за плечо.

– Чокнутая! Я не знаю. Я, чтоб прогула не было, пришёл! – на глазах его проступили слёзы. Вику это ещё пуще распалило, и она со всей силы принялась лупить Витю, выкрикивая, как заведённая: «Где флаг? Говори!»

Девчонки выскочили из воды, схватили Вику и бросили на траву. Светка навалилась на неё, крепко держа за руки. Таня забросила палку подальше в кусты.

– Ты что?! Это же Витька! Витька Геращенко! Он никакой не враг! Он свой! – кричала перепуганная Таня. Никакая не Мика. Просто Таня из третьего «Б».

– Он – враг! – огрызалась Вика. – Враг, понимаешь?!

Весть о том, что Витька Геращенко был бит на «Зарнице» тремя клоунессами из параллельного класса, быстро достигла ушей его заступников. И напрасно Светка пыталась свалить всё на маленькую Вику. Её поймали в туалете на первом этаже и обрезали косы. Света рыдала, но ей пригрозили – только пикни... И она смолкла. На следующий день пришла с модной стрижкой-каре. Дальше исправляться.

Вику не тронули – национальность. Корейцев в школе обходили. Свяжешься с ними, такой скандал устроят. Всё-таки бывшие угнетённые.

Перепало и Тане. Как очкарику за очкарика. Маленький щупленький паренёк из пятого класса, едва достававший ей до плеча, крутился вокруг да около на большой перемене. Стоило взрослым скрыться из виду, он сгруппировался и по-боксёрски выбросил руку аккурат Тане в глаз. Стёкла мелкой крошкой посыпались на пол.

– Это тебе за Витька! – одёрнул куртку, поправил галстук и пошёл, пару раз обернувшись.

Из носу пошла кровь. Выхватив платок из кармана, Таня побежала в туалет. Так и простояла в углу всю перемену.

На трудах вышивали. Таня, пряча лицо, механически протыкала иголкой белое батистовое полотно, протягивая нить и думая о странном устройстве мира. Почему есть свои и чужие, красные и белые? Ну, хорошо, фашист – враг, а Витька? Витька Геращенко, какой он враг? Что случилось с Викой? «Ничего не понимаю...» – вздохнула Таня, украдкой потерев распухший нос.

Кто-то всё же донёс, и армия Трясогузки вместе с бандой заступников была собрана в кабинете директора и допрошена. Понурые, раздавленные, противники стояли, теребя фартуки и куртки, и смотрели в пол. Рады бы помириться, но как?

– Знаете что, бузотёры? – развеселился вдруг молодой, но уже лысеющий директор. – Не ходите-ка вы больше в кино. Пока. Вот вам книжка. Изучить и претворить в жизнь. Сообща!

– Аркадий Гайдар... Тимур и его команда, – прочитала Вика.

Вж-ж-жик!

– Я люблю тебя! – выпалила Таня в ухо Славику. – Только тебя одного! Я уверена, я знаю! Я скучала, значит, люблю. Ведь правда?

Ошарашенный Славик робко улыбнулся и промолчал. Мальчик-одуванчик – дразнили его в детском саду. Вон как кудряшки завиваются, облако золотое, а не голова! Дразнят ли его, как прежде, Таня не знала. Они учились в разных школах. Мамки их продолжали дружить, потому встречались они со Славиком регулярно – по субботам. Иногда – в будние дни.

Славику купили настоящий велосипед – «Десну», не «Школьник» какой-нибудь, на котором Жорка из соседнего двора катал девчонок по очереди. Сам эту очередь строил,

сам решал, сколько кругов достанется каждой, и с вызовом поглядывал на Славика, стоящего в сторонке. Его катать не будут. Девчонка он, что ли, на раме кататься? Ему просто дадут велосипед, чтоб уже проехал круг-другой – по дружбе. Что может быть крепче детсадовской дружбы? Но вызов в Жоркином взгляде чувствовался, и пешеходный Славик уныло стоял, ковыряя изгородь палисадника. Потом уныло сидел рядом с Жориной бабушкой на лавочке. Пока сосед Жоры – дядя Валера – не выкатывал во двор своего крепкого «Туриста»! Вот тут начиналась настоящая история – девчонки облепляли дядю Валеру и уже без всякой очереди норовили вспорхнуть на раму. «Дядь Валер, покатай!» – щебетали банты и чёлки. Дядя Валера выхватывал из девчачьей свалки двоих-троих, сажал перед собой и с серебристым шелестом разгонял красавца-«Туриста»!.. Девчонки визжали и толпой уносились за ним.

– Хочешь покататься? – Жорик подкатил «Школьника» к приунывшему Славику. Тот без лишних слов прыгнул в седло и помчался за дядей Валерой.

– Догоню! – И действительно догонял вальяжного «Туриста». И даже обгонял, вызы-

вая бурный восторг у сопливых, в общем-то ещё, девчонок.

Тётя Лида, Славикова мама, наконец-то сообразила купить ему «Десну» – настоящий, складной велосипед!

– Пожалуйста, дай покататься! – волновалась Таня. – Ну что тебе стоит!

– Сломаешь! – отметал все её просьбы Славик. В соседний двор они больше не ходили. Дружба с Жориком растворилась в горячем летнем воздухе. Хоть он и учился с Таней в одной школе, но в разных классах. Виделись редко.

Рамы у «Десны» не было, и Таня бежала рядышком до Славикова дома. Он старался ехать помедленней, но, в конце концов, разгонялся и мчался во весь опор. Вперёд! По проспекту Мира, по свеженькому его асфальту, мимо новеньких девятиэтажек – домой, где ждал его огненно-рыжий щенок Альберт. Дом хоть и пятиэтажный, но тоже новый. 138-й серии. Две комнаты, кухня, ванна, туалет! Просторно и светло. Третий этаж. Велик невысоко таскать. Недавно из малосемейки переехали. Мама в больнице главной сестрой работала. За бабушкой Таниной доглядывала. Много за кем. Её ценили.

Прохожие не замечали плавного скольженья Славика. Таня замирала в восхищении, потом бежала изо всех сил за ровной ниточкой следов проскочившей по луже «Десны».

К осени Танина мама поднатужилась и купила «Орлёнка». И Славиков взгляд снова потускнел.

– Это мужской велосипед, давай меняться! – настаивал Славик.

– Красный – женский цвет, – уклонялась от обмена Таня. – Красная машина, красное платье. Это же вы, мужчины, придумали. Так что красный велосипед – для девочек.

– Он для тебя большой. Смотри, какие колёса высокие, упадёшь, – волновался Славик.

– Не упаду! – обрубила Татьяна. – Покататься дам, меняться не буду.

На поверку «Десна» оказалась жёсткой. Но наблюдать за счастливым Славиком было приятно. Его льняные колечки завивались на ветру, и солнце просвечивало сквозь них. Прямой нос, подбородок с ямочкой, небесного цвета глаза... Какого сегодня небо цвета? Как Славиковы глаза...

– Я люблю тебя, понимаешь, – Таня бросала маленький резиновый мяч на крышу дома и жда-

ла, когда он скатится. – Тебя так долго не было, я испугалась, что с тобой что-то случилось.

«Когда девочка забывает, что в целом городе ещё видимо-невидимо всяких мальчиков, это ли не любовь? – Таня допрашивала себя с пристрастием три дня и три ночи с последнего визита Славика. – Если девочка безжалостно рвёт джинсы и сносит коленки, носясь по стройкам вместе с мальчиком, это ли не любовь? Да что она такое, эта любовь, в конце концов?!»

Славик улыбался и молчал.

Таня в очередной раз поймала скатившийся с крыши мячик и вдруг резко повернулась к Славику:

– Если ты сейчас же не скажешь хоть слово, я тебя ударю! Получишь мячом в свою дебильную рожу! – Таня замахнулась, но мяч застыл в руке.

Славик инстинктивно отвернулся и – хо-хо-тал!

– А-а-а-а! – закричала Таня и вспрыгнула ему на спину. «Убить гада, поколотить немед-лен-но!» – шумело в голове. Славик закружился волчком, но Таня вцепилась крепко, уткнувшись носом в тощую мальчишескую шею. В глазах защипало.

Славик, наконец, сбросил её со спины.

– Айда на речку велики мыть! – в глазах его проплывали золотистые облака и вспыхивало

закатное солнце. Сентябрьский мягкий свет ложился на тронутые рыжиной сопки. Из огорода доносился запах высохшей травы и прелой картошки. Славик пах мёдом.

Таня послушно взяла под уздцы своего «Орлёнка», перемазанного глиной. Дождь шёл неделю, сегодня они выбрались, наконец, покататься. За «Сахалинуглем» поскрипывал долгострой (на долгостроях столько полезного!), дороги к нему раскисли основательно. Но Славик сказал, что если как следует разогнаться, можно проскочить самый жирный участок на раз. Вот так – вж-ж-жик! И Славик пролетает через вязкое тесто дороги.

Вж-ж... И Таня застревает аккурат посередине. Вернее – застревает велосипед. Встал и стоит. Таня оглядывается, поджимая ноги. Нет, падать велосипед не собирался, но и ехать, похоже, тоже. Спрыгнуть в жижу? Бе! Она начнёт чавкать и чпокать. И как вытаскивать велик?

Славик стоит. Напрягся от размышлений. Таня ждёт, Славик думает. Таня, исчерпав запасы терпенья, спрыгивает, хватает «Орлёнка» за рога и выталкивает с проклятьями на просохший грунт.

– Я домой, – информирует Славика, соскребая глину с колёс. Ищет объездной путь.

«И всё-таки я его люблю... – крутит педали, прислушиваясь к шелесту за спиной. – Ну ведь люблю же!..»

...Отмывались долго. Вода в речке прохладная, мутная от дождей. Глаза у Славика мутные от наползающих сумерек.

– Я всё! – шлёпнула тряпкой по багажнику Таня. Повесила ведро на руль и взобралась наверх. – Эй, там, внизу, догоняй!

Вскочила на «Орлёнка» и вылетела на дорогу.

Завизжавший тормозами «Икарус» обдал Таню клубами пыли и жара – пых!.. Велик навалился и не давал встать. Ну же! Ну, давай же! Вставай! «Какая я тяжёлая!.. А-а-а!..» – перекатывалось в голове.

«Икарус» замер. Пассажиры по-рыбьи разевали рты, но Таня их не слышала. Наконец, отлепилась от асфальта, проскользнула во двор дома, спрятала велик в сарае.

Побелевший Славик тихонько прокрался вслед за Таней в кусты малины.

– Живая? – стал ощупывать её плечи, руки.

– Я сама. Понимаешь? Сама упала. Он такой большой. И жёлтый! И горячий, понимаешь?

Очень горячий, Слава! – бессвязно лепетала Таня, сдуваясь, как шарик.

– Ну, тебе от матери влетит!

– Не выдавай меня, пожалуйста! Я не нарочно!

– Ещё милицию вызовут...

– Не вызовут. Кроме тебя, никто не видел. Не выдавай... – Таня тщетно пыталась выбраться из-под накатившей волны ужаса.

– Что там случилось? – мамки, одна за другой, выкатились с веранды.

– Пожалуйста... Пожалуйста... – Таня вцепилась в Славкину руку.

– Идём! – скомандовал он.

– Там кошка выбежала, водитель по тормозам жахнул. Все в шоке! – отрапортовал Славик, отвлекая обеих мамок от дороги.

Автобус рыкнул заработавшим движком и покатил дальше.

«Наверное, всё же любит...» – подумалось Тане.

Чистый четверг

Мой дом – моя крепость. Кто спорит? Танина крепость в смысле оборонения совсем шутейная: снаружи закрывается обычным ключом, изнутри – крючок. Его набрасывали, чтоб дверь придерживать, а то она пела и плясала, как девица на выданье. Иногда даже хлопала. Летом-то понятно – дверь нараспашку. Верёвочкой её с другой стороны прихватывали, чтоб окно не вышибла. К притолоке прилаживали тюль – от мух и комаров, и гуляй себе туда-сюда. На веранде – тазы с вареньем. Клубничным и малиновым. Их подогревать несколько раз надо, мешать густое, сладкое варево и непременно давать остыть. Когда варенье кончится, начнутся огурцы с помидорами. Этих в банки

распихать, надёргать раздувшийся от важности чеснок, срезать зонтики укропа, натаскать из магазина перец-горошек (и не рассыпать), главное – аспирин не забыть бросить и кипятком залить. И крышки – плотно-плотно. Чтобы банки не взрывались. Взорвётся – оно и неплохо. Малосольный огурчик – это ж мечта. Но банки – на зиму! И нечего тут.

Дойдёт очередь и до хреновины. Так-себе-помидоры смешать с хреном и чесноком. Перец! Ничего не аджика. Бабушка говорила – хреновина. Потому что накопать корешки у солдатского забора – любой дурак сможет, а вот почистить да через мясорубку пропустить – это да! Потому дверь никогда и не закрывалась. Туда-сюда запахи бегают. Не назакрываешься! Если ночи тёплые стоят, про дверь и вовсе забывали. Кому нужны три советских гражданки, что у них брать? Банки с хреновиной? Сберкнижку? Так без паспорта не действительна.

Дядя Лёша такое легкомыслие не одобрял. И смотрел на него (то есть на Таню с домочадцами) с укоризной. Он свои «Жигули» в гараже держит. Под замком. Да и мало ли что! Лихой человек в дом заберётся, поубивает всех. Тем более обидно, что брать нечего. Вот она, хреновина, на деле и выйдет. Самое настоящее уголовное дело! Нельзя людей до уголовного

дела доводить. Потому дядя Лёша запирается, как следует. На двери у него засов. Попробуй, сдвинь! Вторая дверь – та, что из сеней в дом вела, – на ключ. Форточки только на ночь распахивает и то не везде, но прежде собак с цепи спустит – кавказца Блэка и овчарку... Как звали овчарку, Таня не знала. Потому что та дурная совсем. Блэк людей запоминал и так просто не облаивал. Сначала обнюхает. Если запах незнакомый, сядет и смотрит в глаза – внушение делает, мол, не ходи сюда, милый человек, видишь, специально для тебя написали: «Осторожно, злая собака!». Попробуй, сдвинься, когда на тебя так мохнато смотрят. Блэк, он достоинство в себе берёг. И за собаку его никто не считал. За второго хозяина скорее. Может, и за первого. Кто как.

Чтобы к соседям в крепость проникнуть, нужно вечером у калитки постоять, овчар залает, дядя Лёша и выйдет.

– Чего?

– Мать бензину просит, дядь Лёш! – тянет Таня литровую банку поверх калитки. – Печка совсем топиться не хочет. А у нас варенье. И хреновина. Воды согреть.

– Засорилась, – принимает глубокомысленно посудину дядя Лёша и направляется во двор. – Чистить надо.

– Надо, дядь Лёш! – поддакивает из-за калитки Танька, на цыпочки встала, чтоб видней.

Дядя Лёша спохватывается и отворяет. Калитка на щеколду закрыта, чтоб собаки не выскочили. Овчара за ошейник придерживает, а Блэк Таню выучил и не трогает.

– Ну, беги к Галке на кухню. Пирожки стряпает. Я сейчас.

Таня проскакивает, как мышка. Ну как овчар нагонит! Пирожками из форточки пахнет – на всю улицу слышно.

Соседей можно беспокоить только по делу. Это любой воспитанный человек знает. Таня знает и сильно не задерживается. Поблагодарит за пирожок, про здоровье тёте Гале доложит и на крыльцо скорей, чтоб дядя Лёша с бензином в дом не ходил. Нечего воздух отравлять!

– Скажи матери, пусть сажу выберет. Набилось сажи, вот печка и не горит. Этак весь бензин переведёте. Эх вы, бездоглядные!

Чтобы сажу выбрать, нужно шлакоблок в двух местах в Таниной комнате выковырять. Потом шумовкой чёрный липкий порошок выгрести. Шлакоблоки на место, зама-

зать поверх цементом, высохнет – побелить. Только маме всё некогда.

Таня быстренько благодарит дядю Лёшу и бежит домой.

Через пару дней сердце тёти Гали не выдержало, пришла с проверкой. Постучала сморщенным кулачком в косяк:

– Хозяйки!

На её дребезжащий голос выкатились два пугала огородных: глаза горят, морды чёрные. Мама, наконец, устроила печке выволочку – два ведра сажи долой! С третьим заканчивали.

– У, чудищи! – всплеснула руками соседка, засмеялась и закивала головой: – Старик баню натопил, айда к нам купаться!

Что такое баня, Таня худо-бедно знала. Маленькой её водили. Воду по всему городу отключили, и люди набились, как селёдки, во все общественные бани. Таня стеснительная. От наготы своей сияющей не знала, куда и спрятаться. Ну и что, что никто вниманье не обращает. Ну и что, что одни тётеньки... Груды женских обнажённых тел её чуть до обморока не довели: как это всё... некрасиво. В парную завели. Ой-ё-ой! Сердце заскакало воробушком, того и гляди выпрыгнет.

Тётки вениками машут, сами себя охаживают, пар горячий за нос щиплет, дышать не даёт. А стены-то, стены! Мокрые, сопливые. Совсем Тане худо сделалось. Долго с ней не церемонились – посадили в таз, намылили, из ковша плеснули, в полотенце завернули. Сиди, купчиха! Таня и сидела в раздевалке, пока взрослые делами занимались. Дед тогда грозил свою баню поставить, но не успел...

...Набрали полотенца махровые, одежду на смену, халаты. Мама чужим вещам не доверяла. Приучала Таню к своим. «На чужое не зарься и своё не давай. Мало ли, у кого какие вши да блохи. Из чужих кружек не пей. Чужой ложкой не ешь...» Но в гостях про всё это забывалось, и ели, и пили, ещё и хлебушком чашку протирали. Когда Таню у кого-нибудь внезапно оставляли, то и спала она в чужих майках по колено, и мылась в чужих ваннах, с чужими резиновыми уточками. Потому что хозяев обижать нельзя. Раз тебя в дом взяли, значит, не такой уж ты чужой человек. Да и хлеб разве чужим бывает? Для всех растёт, всем в руки идёт. И в конце концов: Ленин сказал – делиться! Маме на всякий случай об этом не напоминали. Неизвестно, как ещё она на это посмотрит.

Баня у соседей маленькая, тесная. С виду сарайчик, а дым из трубы валит, будто паровоз в коммуну мчится.

– Холодать станет, поленьев подбрось! – инструктирует маму дядя Лёша. – Огонь, смотри, не упусти. Камни сильно не заливай, угорите.

Дядя Лёша беспокоится. Этой бедовой что доверь, а – машет рукой – чего там говорить. Как ещё живы...

Но всё обошлось.

– Девоньки, берегись, жару подбавлю! – тётя Галя в предбаннике захлопотала: заслонкой гремит, кочергой полешки ворочает. – Старый экономику развёл, вы его не слушайте. Купайтесь, сколько надо. Я шланг в кадку бросила. Воды не жалко. Купайтесь! Квас на столе.

Что тут началось! Таня первая выскочила. Схватила вспотевшую банку с прохладным квасом и ну его за милую душу. Пунцовая, как помидор. Напилась, утёрлась, глаза на лоб лезут. Ну и баня!

На крылечке дядя Лёша поджидал. Вечерело, собак спустил. Вот и поджидал.

– Ну? Весело в моей баньке? – подхватился, кепку на лысину натянул. Глаза улыбаются. Весь блестит, будто сам выкупался.

– Весело, дядь Лёш! – кидается к нему Таня. – Смотри, как у меня кожа скрипит.

И давай пальцем по руке тереть для убедительности.

– Беги в дом, нечего на улице мокрой.

В честь помывки устроили чаепитие, самовар поставили. После бани тяжёлого нельзя. А чаю можно. Морошку, бруснику, конфеток.

Дядя Лёша на соседок любовался. Нравилось ему, когда люди при порядке. Подопрёт ладонью щёку и сидит, любуется. Залюбуется, задумается. Побежит по щеке робкая мужская слеза. Это он что-то своё припомнил. Война его сиротой сделала. Без родителей любой сирота. Когда б ни привелось.

– Давайте-ка я вас до дому довезу! – обрадовался собственной находчивости дядя Лёша. Хлопнул по коленкам, крякнул, вставая. – Нука, Галка, собирайся, разомнём кости!

– Дядь Лёш, да тут идти два дома! – поперхнулась мама чаем, крепче запахивая халат.

– Простудитесь ещё.

Упрямства не любил. И когда поперёк – тоже не одобрял. Посмурнел было, да тут же и распогодился.

– Допивай спокойно. Я пока машину выгоню, Галка начипурится. Не торопись.

Тётя Галя из-за стола встала, заволновалась, посуду в раковину побросала и заторопилась в спальню из шифоньера платье доставать. Шёлковое, лёгкое – по чёрному небу ирисы разноцветные да лилии летят. Нарядилась, волосы руками взбила.

– Тёть Галь, а ты какая прежде была? – Таня у косяка застыла, не доводилось тётю Галю в выходном платье видеть.

– Какая была? – замурлыкала та, выписывая помадой губы. – Такая и была – чуть шатенка, чуть блондинка. Седины-то, вишь, немного набилось. Припорошило чуть. Да разве я старуха? – резко обернулась она к Тане. Маленькое испуганное личико... будто ребёнок смотрит. Таня отпрянула. Что тут скажешь? Уж очень... взрослая... что ли...

Тётя Галя вздохнула, опять состарилась и отвернулась к зеркалу.

– Ничего, мы вот сейчас причешемся, румянцу добавим. И не будет деду стыдно бабку катать.

Дядя Лёша в то время уже и ворота распахнул, завёл свой молочного цвета «Жигуль». Ликовал. Преобразился от радости, что доброе дело двум бедованкам делает. Или просто не выезжал давно. Бросил свою крепость охранять.

Посадил женский пол в порядке возрастания: жену под бок, малых назад. Ремнём пристегнулся и – «Трогаем, бабоньки!» – надавил на газ.

– Из-за о-о-острова на стре-е-ежень, на просто-о-ор речной волны!.. – взревел дядя Лёша, вместе с ним и машина взревела, взвилась из-под пригорка на дорогу, плавно понесла расписные Стеньки Разина челны.

Эх, жалко, что ехать недалеко. И тётя Галя такая красивая. И дядя Лёша поёт. На куплет дороги-то и хватило. На второй уж обратно «Жигуль» под гору скатывался.

Таня мигом вскарабкалась на крышу. Смотреть, как машину в гараж загоняют. Как дядя Лёша треплет мохнатого Блэка и грозит овчару – я те покажу! Как наливает тётя Галя в чашку смородиновый морс. Как уселись они потом с дядей Лёшей на скамеечку песню допевать: «Грянем пе-е-есню удалу-у-ую на поми-и-н её души...» Тётя Галя – вся в цветах на шёлковом платье, ветерок в волосах путается. Дядя Лёша – в небесного цвета рубашке, со взмокшей кепкой на макушке. Поёт, как гармошка, раздувается. С силой поёт. Хорошо им. Будто в баньке помылись. Ну прям чистый четверг! Даром, что пятница.

Чудо

Ничего чудесного в том, что у бабушек бывают внуки. Но то, что тётя Галя, оказывается, бабушка, а внучка её – готовая тринадцатилетняя красавица, с конопушками на молочной коже, – это чудо! Глазки-искорки, медные кудряшки коротко острижены, сбились в копну и, в отличие от Таниных, очень даже слушаются.

– Я их лаком поливаю, – поделилась секретом Тома после короткого представления.

Лаком? Волосы? Танины познания в области женской красоты ограничивались умыванием и расчёсыванием. Добраться до маминой помады и щёточки для ресниц – это пожалуйста. Но чаще – лень: это ж надо поплевать на

брусочек туши, растереть черноту щёточкой, потом изо всех сил пучить глаз, стараясь попасть на ресницы, а не куда попало. И чтоб без комочков, иначе уродство одно получится. С помадой вообще умора – надо видеть маму перед зеркалом! Таня из своей комнаты подглядывает за её гримасками. Нарисованная мама на сову похожа. С нею только летать, а не прогуливаться. Тут ещё какой-то лак...

Очень захотелось потрогать. Но разве можно трогать чужого человека, особенно когда он в лаке?

– Можно, трогай. – Тома с удовольствием подставила голову. Пружинки, а не волосы.

– Я химию сделала, бабуль! – торжественно доложила сияющей тёте Гале.

Таня перехватила её взгляд. Поймала, как бабочку сачком... Мягкий свет, устремлённый через весь зал на неё, Томку. Если встать между ними, подумала Таня, может, ей тоже сиянья достанется? И она встала. Между бабушкой и внучкой. Но луч легко обогнул её сбоку и снова устремился к Томке. Таня попробовала ещё раз. Нет, не получается. Свет упрыгивает, как солнечный зайчик. Только в детстве мож-

но ловить светлое пятнышко голыми руками и верить, что поймается. Но Таня давно не ребёнок, потому мужественно отошла в сторону. Со стороны даже интересней. Вон он какой, свет!

Дядя Женя, Томкин папа, опять ушёл от жены и на всякий случай привёл с собой дочь. Да и правильно привёл – у красавицы день рожденья! Накрыли стол, наварили, настругали, наставили. Даже раздобыли краба в колючках. Тома крабов очень любит. Волосатиков. Камчатские – огромные, с ними мороки много. Она победно разделывала его на глазах у довольной родни.

Таня в тот день случайно у соседей оказалась. На неё не рассчитывали. Она бежала с музыки домой, вдруг ливень припустил. Такой, что никаким зонтиком не спасёшься. В пакете ноты, тетрадки. В тетрадке диктант с пятёркой – жалко, если промокнет! Это вам не волосатика добывать. Пятёрку по сольфеджио, да ещё за диктант, у Ирины Григорьевны только большим трудом добыть можно. Или хорошим слухом. Слух, судя по всему, у Тани улучшался.

Ещё б не улучшиться: на уроке инструменты раздают – ложки, трещотки, маракасы, Тане достался треугольник – доли в оркестре отсчитывать и тремоло делать. Так она полюбила этот треугольник, что доли сами собой отлетали. Очень внимательно за ними Таня следила. Железяка вроде, а стукнешь палочкой, нежным звоном откликается, малиновым. Потом-то она узнала, что малиновый звон от колоколов бывает, но треугольник-то чем не колокольчик? Звенит. Тонко и протяжно. Малиново.

Пожалела пятёрку, к соседям напросилась. Переждать. Тут – Томка с днём рожденья и лаком. Приятно познакомиться. Достали Тане тарелку, наметали гречневой каши с тушёнкой, огурцов пупырчатых (в магазине таких не бывает. В магазине гладкие, длинные и сопливые, у тёти Гали – коротенькие и пупырчатые – сла-адки-ие! И хрустят). Налили кваску в хрустальный бокал – за Томино здоровье. «Желаю тебе счастья, Тома, и творческих успехов! – от всей души поздравила её Таня. – Извини, что без подарка. Дождь кончится, сбегаю». Она уже

решила, что подарит этой сказочной Тамаре. Калькулятор! Редкость дорогущая! Ей «Casio» очередной мамин майор подарил. Тома в торговый техникум собралась, ей надо.

Томка обрадовалась, что ей настоящий калькулятор подарят, и отломила соседке крабью клешню. На всякий случай. Чтоб не передумала. Таня поблагодарила и аккуратно положила на краешек тарелки. Что там, в клешне, вкусного?

– Давайте гадать! – озарило Томку. – Ба, тащи карты!

Гости вышли из-за стола и расселись на ковре.

– На желание! Чур, я первая! – сияла Тамара, рассыпая рыжие искры.

Тётя Галя принесла замусоленную колоду, привалилась к дивану. Тома лихо раскладывала представительных дам и легкомысленных валетов, внимательно изучала «казённые дома» и быстренько расправлялась со «слезами» и «дальними дорогами». Желания её грозили сбыться. Дядь Женино желание немножко заупрямилось, но тоже сложилось. Тёть Галино обещало сбыться в ближайшем будущем. Дядя Лёша долго думал, чего бы такого загадать. Всё вроде есть...

– Дед, давай быстрей! Задерживаешь! – занервничала Тома.

– Ну давай тогда вот это! – он старательно закрепил про себя желание, чтобы не забыть к концу, что загадывал. И тоже сбылось.

Танина очередь. Уж у неё-то желаний – пропасть. Но надо не по мелочам, а с главного. Она крепко зажмурилась, чтобы никто не подсматривал, и тихонько прошептала про себя: «Хочу нового папу!» Всё! Не вышло... «Ладно, – согласилась девочка, – в следующий раз что попроще загадаю».

Ливень приустал. Или весь вылился. Кто его знает. Солнечный луч робко тронул занавески. Да запутался, так и остался снаружи стоять.

– Надо дом сушить, а то зябко. – Тётя Галя поднялась, закуталась в кофту и пошла двери распахивать. Дядя Лёша за ней – дров подтащить, то-сё. Дядя Женя молча достал из кармана пачку папирос и чуть было дома не закурил, тётя Галя вовремя ему подзатыльник дала – на улицу вышел.

Тома учила Таню пасьянс складывать. Не то чтобы Таня ничего про карты не знала. В «дурака» знала и даже в подкидного, чуть-чуть в открытого могла и в девятого. Но пасьянс... Неспешно выгадывать будущее из молчаливых сочетаний. Так, на всякий случай. Пасьянс – не гаданье. Да карты-то одни.

Надоело гадать, пошли у печки греться. Тома праздничную блузку сняла, халатик в мелкий-мелкий цветочек накинула. Ой, и ничего она ещё не взрослая. Ключицы вон как по-девчоночьи выпирают. Тощая, как селёдка. С плечиками да с воланами кто не повзрослеет? Таня сама знала, что для своего возраста чересчур... большая. Да и мама всегда говорила: «Крупная девка. Кость широкая». Ей до Томкиной прозрачности, как до своих ушей... Она любовалась и любовалась Томой. Её рыжиной и стройностью. Заводная, и личико, как у лисички. Только сейчас и увидела, как на тётю Галю похожа. Теперь понятно, какая тётя Галя была. Ещё понятно, какой Томка будет. Неужели будет?

– Ой, мух-то набилось! – схватила тётя Галя передник и давай по стенам хлопать. Дядя Лёша не одобрил – смахнёшь чего ненароком!

– Оставь! Сами в форточки улетят, оккупанты!

– Да у них же микробы! – не унималась тётя Галя.

У Томки уже глаза загорелись. Таню за руку тянет.

– Айда оккупантов ловить!

Выскочили в баню. За снаряжением. Заодно плитку включить. Для допроса. В бане плитка. Одноконфорочная. Ведро, если что, подогреть, или на скорую руку сварганить чего. Дядя Женя любит в бане жить. Он замкнутый. Слова не допросишься. Когда от жены уходит, так и совсем как медведь. Заберётся в баню и неделями молчит. Это он для Томки исключение сделал – дочка всё-таки... В дне рожденье вся. Выполз и даже улыбнулся пару раз.

Оккупантов полагалось ловить гранёными стаканами. Чтобы до допроса не подохли. Вооружившись, девчонки метнулись обратно в дом. Томка летала по всем комнатам, крича:

«Есть! Есть! Поймала!», выуживала пленных из стакана и отправляла в бутылку, закручивающуюся крышкой. Таня ограничилась одной пленницей. Но какой! Синяя, толстая, как бомбовоз, с длиннющими лапами. Бутылки у неё не было. Ладонью стакан прикрыла и ждала на крыльце, пока Томка всех лазутчиков переловит. Наконец, та выбежала – довольная, раскрасневшаяся.

– Допрос!

Таня согласно кивнула, и они отправились в баню вести разбирательство. Мух пытали, вынимая из них всю душу. Особо крепких раскалывали, поджаривая на разогретой конфорке.

– Будешь правду говорить? Будешь? – напускалась на них Томка, тыкая беспомощной мордочкой то в лужицу на клеёнке, то в плитку. – Говори, фашист, где Гитлер прячется?

В самый пик допроса над баней ударил гром. Девчонки ойкнули, переглянулись, побросали военнопленных и ринулись на улицу.

– Гроза, бабуля, гроза! – ликовала Тамара.

Таня сильно удивилась – над головой по-прежнему сияло солнце, облака стянуло над маковкой горы и больше нигде ни пёрышка.

Что за гроза такая? Уж гроз она повидала. Когда ездила с мамой в Алма-Ату.

– Это где? – заинтересовалась Тома.

– Далеко! Двумя самолётами добираться.

– Не врёшь?

– Возьми карту, посмотри! – Таня надулась и решила про Алма-Ату ничего не рассказывать.

Она бы и вовсе домой пошла, уже и попрощаться собралась, но снова ударил гром, в воздухе что-то затрещало, будто провода на провода наскочили, и прямо над солдатской казармой закрутился золотистый шар.

– Ух ты! – девчонки остолбенели.

Шар медленно тронулся с места и поплыл в сторону Таниного дома и дальше – за речку. Что-то в нём потрескивало и искрилось. Будто за волшебной дудочкой, стали пробираться они за шаром. Через забор, примятую ливнем траву, по квакающему болотцу. Снова через забор – в Танин огород. Через калитку на солдатский выезд. Рты раскрыли, ноги сами бегут, один шар перед глазами.

– Эй, куда! – закричал дядя Лёша. – Это ж молния, дуры, куда!

Бросил Танин пакет с нотами, кинулся в обход догонять:

– Стой! Кому говорю?! Леший вас подери, стой!

Шар вдруг задумался. Застыл над рекой. Покрутился, потрещал и метнулся в брошенный дом на том берегу. От дома вообще уже одни стены остались. Откуда хочешь, заходи. Шару, видать, и понравилось. Что-то там, в доме, загудело, хлопнуло, и наружу вырвался огонь.

– Догнал! – схватил зачарованных девок за шкирки дядя Лёша. Ничего внушительней у него не получилось – запыхался. И сам загляделся на разрастающееся пламя. В хороших книжках уже б заревели сирены и примчались пожарные. Но в действительности никто никуда не спешил. Дом благополучно горел. Потом, что осталось, люди на дрова разобрали.

Снова пошёл дождь. Слепой сентябрьский дождь при светлом солнышке. Расколдовал застывших зевак и выпустил над городом ленту радуги!

Прибежала тётя Галя, и дядя Женя, с прилипшей в уголке рта папиросой, тоже прибе-

жал. Прибежала с работы мама, хотела поругаться на мокрую, перепачканную Таньку, но, увидев, что все радуются, решила подождать и сама обрадовалась.

– Радуга! Радуга! – заливалась Тома.

– Дождик! Дождик! – кружилась на месте Таня, подставляя под тёплые струи лицо и ладошки.

– Это ж молния! Настоящая шаровая молния! – дядя Лёша руками показывал опоздавшим размер шара. – Смотри, как горит.

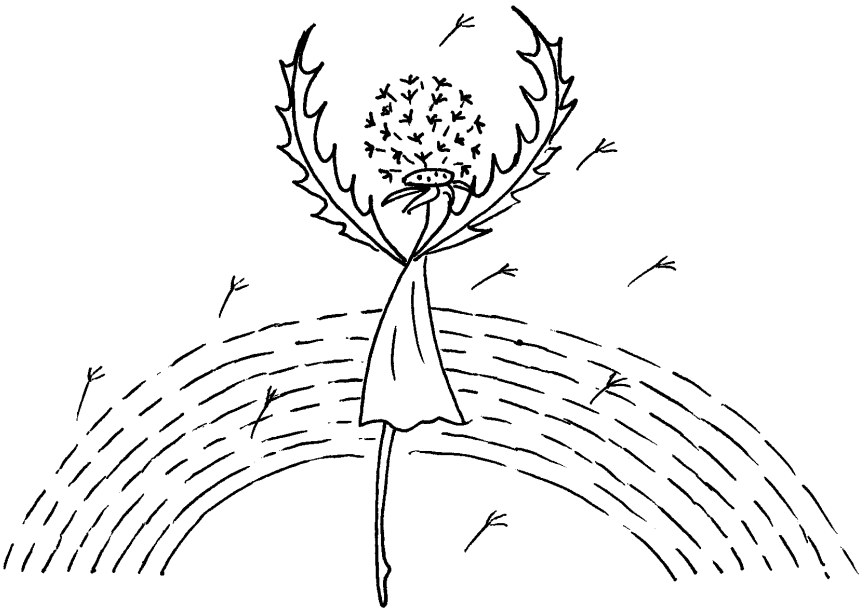
– Дела! – удивился дядя Женя.

– Дела! – удивилась Танина мама.

– Идёмте чай пить! – подытожила тётя Галя.

Где-то в горах согласно громыхнуло. Да так, что все вздрогнули. И дождь кончился.

– Тома, карты не врут! – ликовала Таня. – Когда во второй раз на желанье сложилось, я чудо загадала!



Чёрная речка

Таня волновалась – грудь отказывалась расти. Набухли два пупырышка, и вся красота. А хотелось очертаний. Как у Томки дяди Лёшиной. Она когда на крыше загорать раздевается, вся воинская часть улюлюкает. Солдаты в казарменных окнах гроздьями висят, головы вытягивают и цокают. Томка в ответ копной рыжей тряхнёт и медленно-медленно лямки на спине поправляет. Потом на живот ляжет, а через секунду как бы невзначай перевернётся. У солдат обморок.

Хотелось изгибов, линий, форм. Таня хоть и ходит на хореографию, а толку никакого. Впрочем, какой может быть толк от плие и гранд батманов, от натянутых носков и летящих рук, когда совершенно нет груди? Таня каждый день про-

веряет. В магазин сетки с пустыми бутылками волочёт – проверяет. Спотыкается, зарываясь по щиколотки в наметённый песок, бутылками гремит – фу-у-у! Ещё не хватало разбить, на творог не хватит. Или на сметану. А то и на масло растительное. И талоны эти вечно из кармана торчат, не потерять бы. Таня в руке их с добавленной трёшкой прочнее сожмёт и ещё немножко идёт, не проверяя. Но взгляд сам собой вниз падает. Будто от взгляда чего вырасти может. Эх!

Без груди замуж не возьмут. Не возьмут и всё. Это ей по секрету девчонки из параллельного класса нашептали. Замуж позарез надо. Потому что дом без мужчины рассыпается. Батареи засорились, труба под полом лопнула, забор в двух местах завалился. Новый сосед собак завёл, пришлось самому поправлять, чтоб не сбежали. Тут ещё десять тонн угля привезли, на тротуар свалили, люди ходят, ворчат. Вечером вышли с мамой на пару и давай: мама сверху сразу в углярку кидает, Таня снизу по полведра через дверь таскает. Уже и ночь рядышком у забора притулилась, а куча всё не убывает.

Парень с папочкой мимо пробегал, остановился. Фонарь тусклый, не видно, что за парень. А только весь в белом.

– Хозяйка, инвентарь найдёшь? – спокойно интересуется.

Мама опустила занесённую было лопату, пристально вглядываясь в белое пятно.

– Запачкаться не боишься?

– Постираем, – кашлянул в кулак.

Лопата нашлась. Парень рубаху скинул, папочку под сирень поставил, на руки поплевал...

– Погоди. Я сменное поищу, – заторопилась мама. – Отцово подойдёт. Я сейчас.

Принесла трико. Незнакомец зашёл за смородину, переоделся. Мама унести хотела, не дал. Она за лопату, он древко перехватил:

– Оставьте, я сам. Спать идите. Ваша-то вон спит на ходу, – кивнул на Танюху.

– Ну ладно, – пожала плечами мама.

Таня с мамой вскочили с рассветом, незнакомца уже и след простыл. Чистенький подметённый тротуар, прикрытая углярка... Даже имя не спросили, кому теперь спасибо говорить?

Через пару дней незнакомец сам заглянул, проверить, не надо ли чего? Надо. Шкаф книжный передвинуть – совсем на стену завалился. Передвинули.

– Сколько с нас? – небрежничает мама.

– Спасибо, я, наверное, побегу, – задержался на секунду в дверях и, правда, убежал.

– Мам, ты чего? – разозлилась Таня. Даже ногой притопнула. Опять прошляпила! Мужчина настоящий! Не так себе парень! Только настоящие мужчины приходят незаметно и смотрят долго-долго тёплым внимательным взглядом. В глаза прямо смотрят и не боятся. Девочка локти кусала, но от рационализаторских предложений воздерживалась. Оказывается, новый папа и будущий муж – совсем не одно и то же. Да и вкусы у мамы с Таней не совпадали. «Горе мне с тобой», – бормотала девочка про себя и уходила в комнату. У мамы характер. Маму не погладишь. Разгадал её незнакомец...

Придётся самой замуж выходить. Хорошо бы за Димку Алёхина. Он ей с первого класса нравится. Высокий, спокойный, почти ни с кем не водится. Зато быстрее всех читает. Да так складно! Складнее только у Сашки Шевцова получается. Но у Димки голос! Баритон. Бархатный, как цветок фиалки. Голос у него раньше всех поломался, и слушать его – удовольствие. Так от него уютно. Таня потихоньку за ним в библиотеку ходить стала, в читальный зал. Выучилась после уроков формуляры заполнять, попросилась помощником библиотекаря. Чтобы знать, что он читает. А как же! Человека по книгам узнать – раз плюнуть! Димка на переменах засядет, страничка-

ми шуршит, глаза по строчкам бегают. Таня в формуляр запишет и следом те же книги берёт: «Дочь Монтесумы», «Всадник без головы», «Янки при дворе короля Артура», «Похождения бравого солдата Швейка», но это так, на переменке. Домой Димка занимательную ботанику берёт и Брема. Пришлось маме трёхтомник заказывать, чтоб одновременно с Димкой прочитать. А то вот ещё за энциклопедию взялись. Большую Советскую. Димка четырнадцатый том приканчивал, Таня кое-как с двенадцатым поспевала. Друг от друга томами отгородятся, сидят. Нет-нет, да выглянет Димка поверх своего четырнадцатого. Взглядом по Тане чиркнет. Голубой, пронзительный взгляд у него. Аж мурашки по спине. Таня терпит. Заливается румянцем, но глаз не отводит.

Так бы они всю энциклопедию и перечитали, да Димку в другую школу перевели. Обидела его училка. А Димка ранимый. Замкнулся. Отвечать на вопросы перестал. Не любил, когда унижают. Таня ещё раньше за ним приметила. Но это ей в нём и нравилось – достоинство, а не пацанство. Ну вот, а эта налетела, наорала, сама запуталась и распутаться уже не смогла. У Димки двойки по литературе в дневнике по-

плыли за устные ответы, вернее, неответы. Родители за голову схватились, от мальчика ничего не добившись, взяли и забрали. Откуда им было знать, что Танюхе без него никак?

По городу носились разукрашенные «Волги» и «Чайки», на чьих-то свадьбах играла музыка всю ночь. Танюшка двушку выпросит вечером, типа позвонить, домашку перепроверить, сама к ресторану – в окна уставится, как жених невесту на руках качает. Как кутается целомудренно в её фату под настойчивые крики «Горько, горько!». Как ведёт её внимательно среди разгулявшихся гостей, чтоб не споткнулась, не уронила чего на воздушное белое платье. Счастливые! От чего люди такими счастливыми делаются? Смотрят друг на друга и наглядеться не могут. Хотя и грустных невест Таня тоже встречала. Сколько хочешь! Ей счастье, она – в слёзы. Это как раз понятно. Про невзаимную любовь она, сколько хочешь, рассказать может. Мама до сих пор не пристроенная, да и Димка ещё не зажил...

Понуро бредёт Таня обратно. Фонари вспыхивают, и длинные тонкие тени разбегаются из-под ног. Налево пойдёшь... Направо пойдёшь... Да хоть наискось, маму не переделаешь. Маме кого попало не надо. Ей в Москву хочется. За майора замуж. Ну или ещё за какого офицера.

Потому что тётя Роза из Поронайска за офицера вышла. И тётя Нюра из Крабозаводска тоже давно за пограничником. У военных паёк, проезд, проценты и жилплощадь. Мама давно поменять думала дом на комнату в коммуналке. Хотя бы. Но в маленькую комнату целый дом не впихнёшь. Куда книги девать, которых две комнаты и ещё чердак? А пианино? А учебники с тетрадками? А хрусталь с сервизами? Нет, и захочешь, не впихнешь. Комната девять метров. В доме же, как ни крути, пять комнат. И чердак с мансардой.

Таня маминых подруг любила. Соберутся, весело с ними. Танцы устроят, песен напоют. Вроде счастливые. Только счастье их путаное какое-то. Вот тётю Розу взять. Зачем она по всей квартире мужа саблей гоняет? Тот обижается и уходит каждый раз насовсем. Иногда даже без носков. А тётя Ида? Та, что из проката... Дома у неё муж-котик, сама вся такая киса. Улыбается, глазки строит, а чуть что – бежит к своему строителю. Тот уже никакой не котик. Просто Игорь. Живёт на другом конце города. Квартира однокомнатная. Только тёте Иде всё равно. Она там себя счастливой чувствует. Совсем другая там тётя Ида. Зачем она с «коти-

ком» мучается? Затем, что Таня ничего не понимает в жизни, и не её это, в общем-то, дело.

Пришла как-то из школы, мама пластинку сидит, слушает и плачет. Хотела спросить, да сама заслушалась. Взяла, молча, конверт от пластинки посмотреть – «Дорога к Пушкину». Поёт Николай Караченцов. Не поёт, почти говорит, слова, как река, внутри разливаются:

Ослепителен бал от улыбок,
колье и медалей,
только скрипка грустит,
и её утешает фагот.
И средь бала судьба
безмятежное имя Наталья,
словно голос с хоров,
заговорщицки произнесёт.
Что за дикий соблазн –
называть её робко невестой,
повторять про себя,
как молитву, ночной монолог:
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!
Да храни тебя Бог!..»[*]

* *Здесь и далее – стихи Владимира Гоцуленко (Дорога к Пушкину, 1989 г.).*

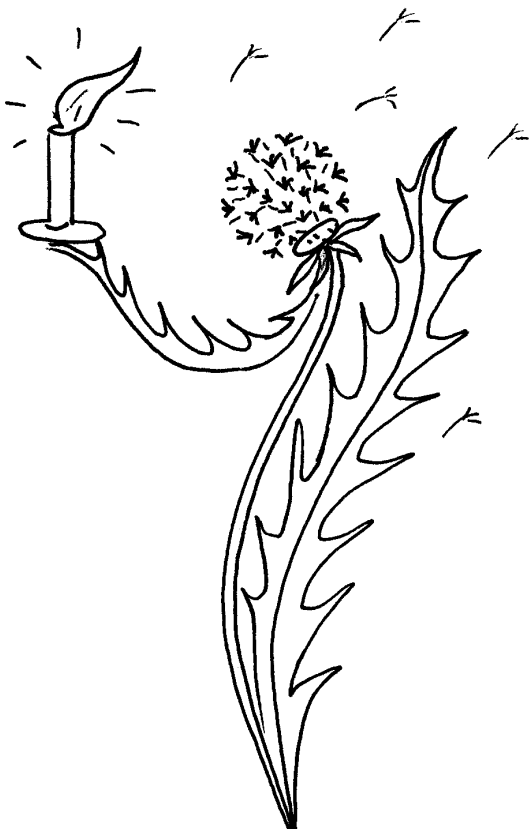
Таня потом всю пластинку вдоль и поперёк переслушала. Что-то невидимое, почти неслышимое, из других совсем песен приподняло её над землёй и понесло. То ли чёрный ворон, то ли любовь, то ли судьба... Чужая судьба, незаметно ставшая своей.

– Красивые слова! – поясняла мама.

Да-да, красивые, но не слова. Другое. Совсем другое. Красивые – люди, поступки, мысли. Слова эти – душа, долг, честь... Неужели взрослые могут так серьёзно к ним относиться? Вот этот Пушкин, который про рыбака и рыбку, вдруг пошёл на дуэль. Умер за оскорбление? Вот так вот, да? Отдать жизнь за честь жены, свою честь?..

Мама всё плакала над своею мадонной.

Мир спасёт красота –
оттого он порою чудесный,
хоть стоит, как жандарм,
век бесславный на славной Руси.
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если можешь – спаси.
Если можешь – спаси.
Если можешь – спаси...»



Нет-нет, Таня ошарашена совсем другим. У неё в ушах другая музыка, хоть и с той же пластинки:

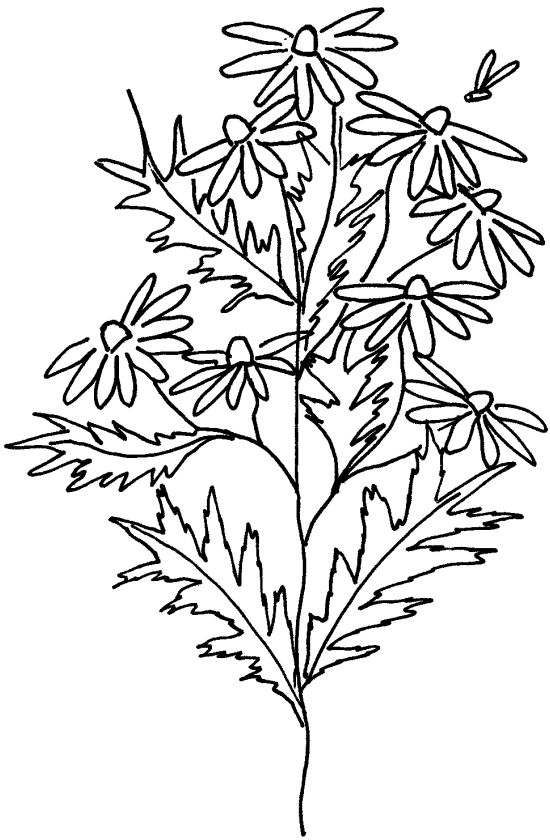
Чёрный ворон кружит...
Ах, зачем эти белые ночи
удлиняют опять наступившие
чёрные дни?
Жизнь одна – эта правда превыше
внезапных пророчеств,
хоть всего лишь вчера
этой правдою были они.

Но мама плачет. Мама хочет быть мадонной. Хоть тресни. Придётся опять самой соображать. Отставить в сторону красивых людей и совершить, наконец, хоть какой-то поступок. Таня задумалась. За окном падали снежные хлопья, обрамляя раскисшую октябрьскую жижу и рыжую, пожухлую траву. Там, за рекой, растворялись в туманной дымке пятиэтажки, прячась от её решимости. Что? Что сделать?

– Подари ей цветы, – предлагает, не задумываясь, Вика проверенный рецепт.

Легко сказать – цветы! Летом ещё куда ни шло. А сейчас... Попробуй найди, да и стоят невообразимо дорого.

– Три рубля штука, – отчеканивает грузная продавщица с синими веками, подпиливая ногти.



Три рубля!.. Один цветок дарить неинтересно, минимум три – уже девять! Таня сникла. Но тут же начала считать. Можно обойтись без школьных завтраков. До Нового года два с половиной месяца. За октябрь деньги уже сданы. Но за два месяца – это почти семь рублей. Плюс два месяца походить в музыкалку пешком. Это еще три рубля. Итого: почти десять рублей! И Таня начинает экономить. На всякий случай на мороженом тоже. Стоит и смотрит, как тётенька в куртке-дутыше продаёт на крыльце магазина пломбир в вафельных стаканчиках, вынимая его из деревянных ящиков. Ребятня её обступает, несмотря на навалившиеся холода, улыбки искрятся на коротком осеннем солнышке. Мамы покупают пломбир домой пакетами, бабушки деловито отсчитывают на ладони мелочь. Ой, лучше и не смотреть.

В музыкалку ходить далеко, Таня опаздывает. Но просит не говорить маме, потому что она экономит и у неё секрет. Она будет стараться. Выходить ещё раньше из дому. Просто чуть-чуть не рассчитала. Только лёд расползся по городу, девчонки на хореографии надоумили на коньках приезжать. Таня достала коньки, сма-

зала лезвия. На обратном пути оказалось, что улицы посыпали песком. Идти пешком на коньках через весь город – невыносимо. Кое-как до остановки доползла. Ладно, разочек – садится в «Икарус». И больше никаких коньков! «О Мадонна моя! Ты мой ангел прелестный...» – напоминает дома голос с хрипотцой.

Мадонна тем временем ищет третью работу. Не находит. И садится на телефон. В руках у неё дорогие мужские часы. Командирские. Подарочные. Пытается продать. Набирает по телефонной книге номера солидных предприятий и предлагает директорам: «Часы, представительские. Нет, не “Роллекс”, но около того...» Таня случайно увидела, когда на работу к маме из музыкалки прибежала. Она всегда сначала в щёлочку подсмотрит, одна ли, потом только заходит. Всё сжимается внутри, и она замирает снаружи, проглатывая противный сухой ком.

Деньги скопились. Таня стояла в длиннющей очереди за синюшным цыплёнком, потому что бройлеры уже кончились, и оглядывалась на прилавок возле двери. Там торговали цветами. Маленькие замученные гвоздики склонили головы почти к столу. Но и они таяли на глазах. Таня знала: не купит сегодня – не купит никогда. За неделю до Нового года цветы про-

падали насовсем. И появлялись только к Восьмому марта. Можно, конечно, и на 23 февраля поискать. Но цена нечеловеческая. На уличных тёток девочка не рассчитывала. У них в ящиках гвоздики и крупнее, и душистей, и свечкой подсвечены-обогреты, но – пять рублей штука! Сложение вычитало все порывы. Неумолимо.

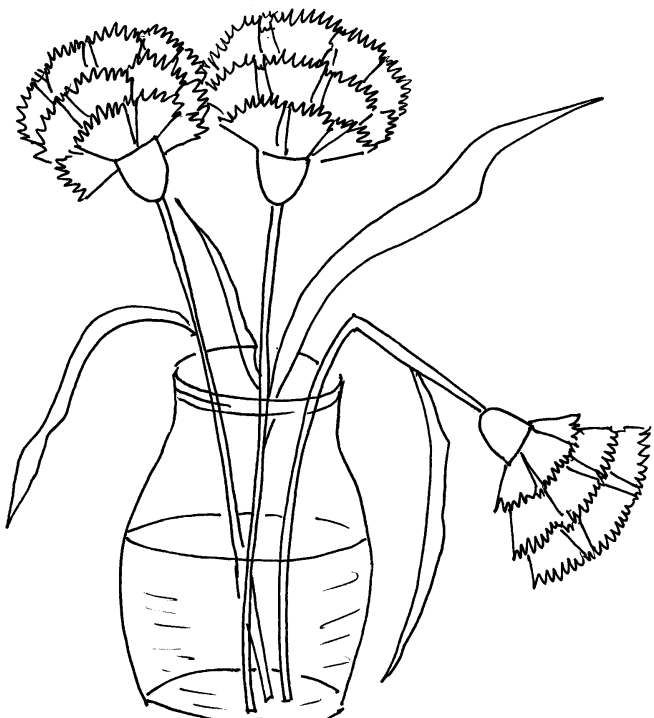
Вспотев и издёргавшись, с набитой сумкой, Таня, наконец, протиснулась к цветам. В банке остались как раз три подвяленные гвоздики бывшего революционного цвета. Да, не о таком подарке она мечтала. Ну хоть эти!

– Забираю все! – торопится Таня.

– Завернуть? – хлопает продавщица синими веками.

– Конечно!

Таня несётся домой, прижимая запрятанные за пазуху цветы. Ставит у себя под столом в банку. Разделывает цыплёнка, готовит бульон. Снова возвращается, оглядывает покупку. Доживут ли? Ещё неделю ежевечерне проверяет свой закут, наблюдая, как чернеют по краям и усыхают бутоны. «Ну, миленькие, ну, пожалуйста, потерпите. Ну чуточку!» Цветы скукоживались, не обещая ничего конкретного.



Беды, словно гроза,
не спеша отойдут и воскреснут,
но уже для двоих.
И замрёт в предвкушенье толпа...
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
жизнь отдам за тебя.
Жизнь отдам за тебя.
Жизнь отдам за тебя».

«Хорошо им там, в девятнадцатом веке...» – думает Танюшка, выползая ночью в секретный угол на очередную проверку. Свернётся под столом и сидит до рассвета. Вдруг они дольше проживут, если с ними рядом посидеть... Ничего неизвестно. Бабушка давным-давно говорила, что всё живое – ласку любит. Если к живому с теплом и лаской, не захочет, всё равно жить будет. Так ли уж хорошо в том девятнадцатом веке? Дуэли, расстрелы, бесы, сыщики, царский гнев, долги, тюрьма... Таня берёт ручку с тетрадкой и впервые выводит неуклюжие робкие строчки. Настолько робкие, что тут же вымарывает их насовсем. Вдруг кто увидит. Может быть, даже посмеётся. Разве можно

маленьким девочкам... Что вообще можно маленьким девочкам?

Как-то она всё же открыла альбом о Пушкине, с портретами, отыскала Наталью Николавну. Узкое фарфоровое личико, тонкая шея, нежные плечи, аккуратная грудь (будь она неладна!)... Талия перетянута шёлковым поясом, утопает вся (настоящая Мадонна) в кружевах и атласах. А Таня? А мама? Никакой тебе тайны. Никакого бала. Никаких мужчин...

Но наступает Новый год. Таня с мамой достают белую скатерть, собирают на стол праздничный ужин, вынимают из серванта сверкающие хрустальные бокалы. Мама зажигает свечи. Потому что уже сумерки и хочется сохранить тайну. Угадать будущий год издалека, по бесшумным, лёгким шагам. Электрическим светом только отпугнёшь. Вот когда зайдёт да присядет, привыкнет, как следует, вот тогда можно уже и свет зажечь. Раньше никак нельзя. Что-то ещё непременно надо успеть сделать, пока он у тебя в гостях тут сидит и не идёт дальше, к другим. В другой часовой пояс, на другую сторону планеты. К другим детям и их одиноким мамам. Потому что там, где есть мама и папа, и даже бабушки с дедушками, там Новому году делать нечего. Там и так волшебства хоть отбавляй.

Мама надевает любимое коричневое платье. Пристёгивает виноградную кисточку – янтарную брошку. У Тани дела попроще. Розовое платье с расклешённой юбкой да конский хвост затянуть.

– Сейчас будет подарок! – Гвоздики всё же достояли. Уговорила.

Мама ахает. Ставит цветы в вазу. И даже забывает поругать. Сияя, протягивает в ответ два апельсина. Ну вот, обменялись.

Новый год потихоньку садится с ними за стол. Слушает, как они бесконечно желают друг другу всего самого хорошего. И даже счастья. Потому что Таня уже понимает, что оно такое, это счастье. Это когда глаза вот так светятся навстречу друг другу, а не смотрят сквозь, как обычно. Из зала им в столовую нашёптывает всё та же пластинка:

Если счастье дано,
то даётся оно ненадолго,
и счастливцам о том
до поры не положено знать.
Беззащитна любовь,
но клинок и понятие долга,
слава Богу, пока у мужчин
никому не отнять.

Снег ночной упадёт бездыханно
стеною отвесной
на заказанный путь –
по дороге не будет трясти...
«О Мадонна моя,
ты мой ангел небесный,
если сможешь –
прости...»

Две мадонны потихоньку засыпают. Одна непременно вздыхает, но сладко спит до самого утра. Другая, та, что поменьше, ворочается. Ей снится Чёрная речка, на которой она никогда не была. Рядом с домом тоже речка течёт. Почерневшая под нависшей с берегов белоснежной шапкой. Снится маленький кудрявый человечек. Сейчас он сделает свой выстрел и промахнётся. Но не промахнутся – в него. Капельки крови покатятся по январскому насту. И кончится жизнь. Кончится, кончится, кончится... Пусть не сразу, но позже... Как это невероятно, что жизнь может кончиться. Как мамины гвоздики. Навсегда.

Если вечна душа –
отчего же она так ранима?
Если нету души –
что же это под сердцем болит?

Содержание

На обочине 4

Мир, труд, мандарины... 18

Артистка 34

Бабушкина физкультура 44

Тётя Мама 54

«Зарница» 68

Вж-ж-жик! 82

Чистый четверг 92

Чудо 104

Чёрная речка 118

Анна Алексеевна Сафронова

Лето на вырост

Повесть

В соответствии
с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком

12+

Редактор Н. Тарасов
Корректор И. Остапенко
Дизайнер Е. Фадеева

Сдано в набор 23.02.2018
Подписано в печать 8.03.2018
Формат 70x108/32. Гарнитура «PeterburgC»
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 6,13. Тираж 500 экз.
Заказ № 8 от 8.03.2018

Издательство ИРОСО
693006, Южно-Сахалинск
ул. Пограничная, 42, каб. 103
Тел. 300-298
E-mail: irosotext@yandex.ru